

0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Клетки судьбы

18+

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Клетки судьбы

«Автор»

2026

P0Lm.8_666 P.

Клетки судьбы / P. P0Lm.8_666 — «Автор», 2026

Он был врачом. Он хотел рассказать правду. Его убили. Он был детективом. Он нашёл флешку. Его убили. Он был журналистом. Он опубликовал данные. Его убили. «Клетки судьбы» — это история о том, как наука превращается в оружие, медицина — в прикрытие, а правда — в угрозу. О системе, которая прячется за отчётами, фондами и борьбой с раком. О людях, которые увидели слишком много и заплатили за это. В книге нет героев и злодеев. Есть те, кто выбирает смотреть правде в глаза. И те, кто отводит взгляд. Есть риск. Есть молчание. Есть цена. Четыре голоса. Четыре уровня восприятия. Одна правда, которую нельзя убить — только временно подавить. А потом она вырастает снова. «Клетки судьбы» не даёт ответов. Она оставляет вопросы. И если после прочтения вам станет не по себе от того, как легко люди верят официальным версиям, — значит, книга сделала своё дело. Добро пожаловать в мир, где правда — это клетка, которую нельзя открыть. Но кто-то всё равно пытается.

Содержание

**Прямой эфир. Кипр. День. **	9
**40	11
КСЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ: ОБЪЕКТ ХТ-42-ВЕТА	13
**100	16
День первый. Участок. Камера допроса.	18
**150	21
Пекин. Третьи сутки после убийства. Офис без вывески.	23
**200	26
Прямой эфир. Телеканал «Международные исследования». Студия в Лондоне.1.	28
Прямой эфир. Телеканал «Международные исследования». Студия в Лондоне.2.	31
Сон. 40 IQ. Сиреневый светофор.	34
Операционная. Университетский госпиталь Джонса Хопкинса. Балтимор.	36
Сон. 100 IQ. Сиреневый светофор.	40
Прямой эфир. Телеканал «Международные исследования». Токийская фондовая биржа.	43
Сон. 150 IQ. Сиреневый светофор.	46
Аэропорт Ларнаки на второй день.*	49
Сон. 200 IQ. Сиреневый светофор.	55
История жетона.	59
** 40 IQ. Ночь. Савеловский вокзал.**	60
Станция «Олимп-1». Марс. Десятый год колонизации.	63
100 IQ. Ночь. Савеловский вокзал.	67
Ремонтный дроид. Модель: RD-7 «Механик». Станция «Олимп-1». Марс.	71
150 IQ. Ночь. Савеловский вокзал.	75
Бурение метеорита. Лазерный комплекс. Станция «Олимп-1». Марс.	80
Скандал на станции «Олимп-1». Марс.	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Клетки судьбы

Оглавление

- **Дисклеймер. Книга «Клетки судьбы».****
- **Прямой эфир. Кипр. День. ****
- **40 IQ. Прохожий. ****
- **КСЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ: ОБЪЕКТ ХТ-42-ВЕТА****
- **100 IQ. Прохожий. ****
- **День первый. Участок. Камера допроса.****
- **150 IQ. Прохожий. ****
- **Пекин. Третьи сутки после убийства. Офис без вывески.****
- **200 IQ. Прохожий. ****
- **Прямой эфир. Телеканал «Международные исследования». Студия в Лондоне.1.****
- **Прямой эфир. Телеканал «Международные исследования». Студия в Лондоне.2.****
- **Сон. 40 IQ. Сиреневый светофор.****
- Операционная. Университетский госпиталь Джонса Хопкинса. Балтимор.**
- **Сон. 100 IQ. Сиреневый светофор.****
- **Прямой эфир. Телеканал «Международные исследования». Токийская фондовая биржа.****
- **Сон. 150 IQ. Сиреневый светофор.****
- Аэропорт Ларнаки на второй день.***
- **Сон. 200 IQ. Сиреневый светофор.****
- История жетона.**
- ** 40 IQ. Ночь. Савеловский вокзал.****
- **Станция «Олимп-1». Марс. Десятый год колонизации.****
- **100 IQ. Ночь. Савеловский вокзал. ****
- **Ремонтный дроид. Модель: RD-7 «Механик». Станция «Олимп-1». Марс.****
- **150 IQ. Ночь. Савеловский вокзал.****
- **Бурение метеорита. Лазерный комплекс. Станция «Олимп-1». Марс.****
- **Скандал на станции «Олимп-1». Марс.****
- **200 IQ. Ночь. Савеловский вокзал. ****
- **Гидра. Биологический эксперимент. Станция «Нью-Хьюстон». Марс.****
- **IQ 40. Сообщество.****
- **Дуговой реактор. Энергетический комплекс станции «Нью-Хьюстон». Марс.****
- **IQ 100. Сообщество.****
- **Внутренний трудовой распорядок. Лаборатория «Чистильщик».****
- **IQ 150. Сообщество.****
- **Классификация уровней химических ожогов. Медицинский справочник. 24 век.****
- **IQ 200. Сообщество.****
- **Эксперимент. Тот самый, из документов.****
- **40 IQ. Получает флешку.****
- **Экономика. Кризис, санкции, передел. Один из секторов Северного Альянса.****
- **100 IQ. Получает флешку****
- **Криптовалюта. Шторм на рынке. Взгляд аналитика.****
- **150 IQ. Получает флешку.****
- **Криптовалюта. Шторм на рынке. Взгляд аналитика.****
- **200 IQ. Получает флешку****

Мода 24 века. Стиль, ткани, смыслы.
Отчет. Необычные патологии у гидр: индукция и передача опухолей.
40 IQ. Морг.
Новый вид наркотика. История создания. 24 век.
100 IQ. Морг.
Отчет. Неудачные эксперименты по гибридизации питательных растений. Лаборатория «Агрос». 20## год.
IQ 150. Морг.
Новый вид деревьев. История создания. 24 век.
IQ 200. Морг.
Новые виды медикаментов. Сводный отчет. 24 век.
Стенограмма наблюдений. Образец О-47-М. Сотрудник лаборатории «Био-Тест».
Морг. Присутствие детективов. Регламент и реальность.
Флешка. От лица человека с 40 IQ.
Откуда у Китая вторая флешка?
Флешка. От лица человека со 100 IQ.
Почему детектив не купил паспорт и не уехал?
Флешка. От лица человека со 150 IQ.
Пустые полки. Северный Альянс. Сезон дождей 20## года.
Флешка. От лица человека со 200 IQ.
Оперативная сводка. Задержание в аэропорту Ларнаки. 20## год.
IQ 40. Дальше. Что было потом.
Пакуем его, ребята.
IQ 100. Дальше. Развитие событий.
Отчёт. Эксперименты с морским ежом для лечения опухолей.
IQ 150. Дальше. Развитие событий.
IQ 40. Кому он там сдавал кровь?
IQ 200. Дальше. Многоуровневая стратегия.
Отчет. Неудачная попытка эксперимента. Штаммы «В11» и «В12».
Голубая руда.
Финал. IQ 150. Последний день.
СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ
40 IQ. Тот, кто отдал флешку.
Отчет. Неудачная попытка эксперимента. Штаммы «Е-11» и «Е-12». 20## год.
Тесты на мышах
100. Тот, кто отдал флешку.
СОГЛАШЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ НА МАРСЕ
150. Тот, кто отдал флешку.
Коллаж новостных заголовков и репортажей. Разные каналы. Разное время. Разоблачение.
200. Тот, кто отдал флешку.
Церемония награждения.
Выживший. Начало и конец. От лица наблюдателя.
Послесловие автора
Аннотация. Книга «Клетки судьбы».

Дисклеймер. Книга «Клетки судьбы».

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, организации, события, диалоги, названия лабораторий, протоколы экспериментов, медицинские термины, политические структуры и сюжетные ходы — плод воображения автора или использованы в вымышленном контексте.

Любые совпадения с реальными людьми, живыми или мёртвыми, реальными компаниями, государственными учреждениями, научными программами, биологическими открытиями или историческими событиями случайны и не должны рассматриваться как отражение действительности.

****Особое примечание относительно коэффициента интеллекта (IQ):****

В книге используется указание уровня IQ персонажей (40, 100, 150, 200) как художественный приём, позволяющий читателю сразу оценить особенности мышления, восприятия и поведения героя. Это не является научной классификацией, не отражает реальных психометрических показателей и не должно восприниматься как достоверная оценка интеллектуальных способностей людей с соответствующими цифрами.

Автор не утверждает, что человек с IQ 40 мыслит именно так, как описано, а человек с IQ 200 — иначе. Это литературное допущение, упрощение, позволяющее сделать текст более динамичным и контрастным. В реальности интеллект многогранен, не сводится к одному числу и не определяет поведение, моральный выбор или эмоциональный отклик.

IQ в этой книге — не диагноз, не приговор и не комплимент. Это инструмент повествования. Не более.

Автор не выражает политической, религиозной или идеологической позиции. Все высказывания персонажей являются их личными мнениями и не отражают взглядов автора.

Книга не предназначена для пропаганды насилия, жестокости, незаконных действий, употребления наркотиков или медицинского самолечения. Читатель несёт полную ответственность за своё восприятие текста и любые действия, предпринятые на основе прочитанного.

Автор не несёт ответственности за любые возможные последствия, связанные с интерпретацией текста, его использованием в образовательных, научных или иных целях.

Книга предназначена для взрослой аудитории. Рекомендуемый возраст — от 18 лет. В тексте присутствуют сцены насилия, медицинские описания, психологическое напряжение и темы, связанные со смертью и биологической угрозой.

Особое внимание: все события, связанные с пандемиями, биологическими угрозами, вакцинами, вирусами и лечением онкологических заболеваний, являются художественным допущением. Автор не даёт медицинских, научных или юридических рекомендаций.

Книга не является сатирой, памфлетом или документальным расследованием. Это вымысел. Искусство. История, которую можно принять или не принять, но не следует воспринимать буквально.

Любое сходство с реальными корпорациями, государственными программами или медицинскими институтами является случайным.

«Клетки судьбы» — это не о реальной медицине. Это о том, как человек ищет правду и что он готов отдать за неё. Даже если правда оказывается не той, которую он ожидал.

Читайте. Размышляйте. Но не ищите здесь того, чего нет.

****Прямой эфир. Кипр. День. ****

Ведущая в студии:

— ...и теперь к экстренным новостям. На Кипре при невыясненных обстоятельствах погиб известный нейрохирург, профессор Виктор Рошин. Наш специальный корреспондент Дмитрий Шелест выходит в прямой эфир из Никосии. Дмитрий, что известно на данный момент?

****Кадр: репортёр стоит у здания суда, за его спиной полицейские оцепления, мелькают камеры. Он держит в руках пресс-папку, смотрит в объектив. Лицо уставшее, но глаза горят.****

Я стою у здания окружного суда Никосии, где сегодня дожидаются экстрадиции двое подозреваемых, напрямую связанных с этим делом. Но обо всём по порядку.

Три дня назад здесь, на Кипре, должен был состояться финал международного медицинского симпозиума по программе «Гиппократ-2.0» — совместного проекта США, ЕС и Израиля по изучению агрессивных опухолей головного мозга. Программа засекречена, но, по нашим данным, речь шла о разработке препаратов, меняющих баланс сил в нейрохирургии.

Главным докладчиком должен был стать профессор Виктор Рошин. Российский хирург, последние пять лет работавший по контракту с университетом Джонса Хопкинса. Специалист мирового уровня. Вчера вечером его нашли в парке, в десяти минутах ходьбы от отеля, где жили участники делегации. Ножевое ранение. Смерть наступила мгновенно.

Официальная версия — разбойное нападение. Полиция Кипра отработывает версию с ограблением: у погибшего не обнаружено бумажника, телефона, часов. Но, как вы понимаете, в этой истории слишком много совпадений, чтобы списать всё на случайных грабителей.

Во-первых, характер ранения. Эксперты, с которыми мне удалось поговорить, утверждают: удар нанесён профессионально, точно в область печени, с расчётом на быстрое внутреннее кровотечение. Не характерно для уличного грабежа. Во-вторых, исчезли не только личные вещи профессора — пропал его ноутбук и внешний жёсткий диск с данными последних исследований. Данными, которые, по словам его коллег, вообще не должны были покидать территорию США.

И в-третьих, самое важное. Сегодня утром стало известно, что два человека, задержанные при попытке вылететь в Россию через аэропорт Ларнаки, — граждане РФ — имеют при себе часть этих документов. В цифровом виде. Они сейчас находятся в этом здании у меня за спиной. Адвокаты уже подали прошение об освобождении под залог.

МИД России хранит молчание. Госдеп США выпустил скупое заявление с соболезнованиями и призывом к кипрским властям провести «прозрачное расследование». Но между строк читается напряжение. По нашим данным, Вашингтон уже запросил доступ к задержанным, подозревая утечку данных, имеющих отношение к национальной безопасности. Нико-

сия оказалась между молотом и наковальней: с одной стороны — давление США, с другой — отсутствие прямых доказательств причастности задержанных к убийству.

(Репортёр делает паузу, смотрит в сторону здания суда, потом возвращается в кадр)

Знаете, я разговаривал с коллегами Рощина. Они в шоке. Говорят, что последние полгода он был крайне осторожен, почти параноидален. Проверял машину перед выездом, не пользовался незащищённой связью. При этом на симпозиум летел с явной неохотой, хотя именно он был его ключевой фигурой. Кто-то из оргкомитета обмолвился, что Рощин хотел отказаться в последний момент, но «рекомендации от партнёров» оказались слишком весомыми. Что за партнёры — не уточняется.

Прямо сейчас внутри здания идут закрытые слушания. Решается, передадут ли задержанных американской стороне или Кипр проведёт собственное расследование. От этого зависит очень многое. В том числе и то, узнаем ли мы, что на самом деле произошло в том парке тремя днями ранее.

Здесь, на Кипре, начинает попахивать большим международным скандалом. Слишком тихо для обычного убийства. И слишком громко для «несчастливого случая».

Дмитрий Шелест, Никосия, специально для «Новостей 24».

(Репортёр задерживает взгляд на камеру, кивает оператору. Лицо усталое, но внутри — холодное возбуждение охотника за фактами. Отключается микрофон, шепотом в сторону)

— Всё, запись. Отбой.

****40**

IQ

.Прохожий. **

Парк. Ночь.

Идёт кто-то.

Я иду.

Он идёт.

Мы идём.

Дорожка одна. Значит, встретимся. Это логично. Я в таких вещах разбираюсь.

Луна висит. Круглая. Как тарелка. У мамы такие были. С голубыми цветочками. Где мама? Не помню.

Он ближе. Шаги слышно. Топ-топ. У меня тоже топ-топ. У нас синхронно получается. Прямо как в танцах. Я не танцую, но смотрел по телевизору. Там девушки крутятся.

Совсем близко.

Лицо вижу. Незнакомое. Глаза странные. Белки много. Как у той собаки во дворе, когда я ей кость не дал. Но у меня кости нет. Только ключи от квартиры. На веревочке.

Он останавливается.

Я останавливаюсь.

Хорошо стоим. Дружно.

— Эй, — говорит.

Я киваю. Вежливо. Мама учила: если здороваются, отвечай.

— Стой тут.

Я стою. А куда мне идти? Я вообще домой шёл. Или в магазин? Нет, домой. Точно. Ключи в кармане.

Он руку тянет. Быстро так. Я даже моргнуть не успел. А я люблю моргать. Это полезно. Глаза смачиваются.

В животе вдруг тепло. И мокро. Как будто чай пролил. Только чай горячий был бы, а это не горячее. Тёплое. Приятное даже.

Смотрю вниз.

Ручка торчит. Чёрная. Из-под куртки. Я думал, у меня куртка без ручек. А она вон как — с ручкой. Удобно. Можно вешать на что-нибудь.

Только зачем ручка в животе?

Ноги ватные. Как те игрушки, что в детском саду висели. Тряпичные. Падать хочется.

Падаю.

Земля мягкая. Вкусная даже. Листья в нос лезут. Пахнет сыростью.

Слышу шаги. Топ-топ. Удаляются.

Один топ-топ.

Мой, что ли?

Нет, мой уже не топает. Я лежу.

Темнеет.

Мысль последняя: а он симпатичный был. Глаза только страшные. Надо было улыбнуться ему. Мама говорила: улыбайся людям. Не улыбнулся.

Не успел.

****КСЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ: ОБЪЕКТ ХТ-42-ВЕТА****

****Кодовое имя: «Карцинос» (Carcinos)****

****Статус угрозы: КРИТИЧЕСКИЙ (Уровень 5 — Пандемический риск/Метастазирование)****

****1. ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ****

Обнаруженный организм представляет собой уникальный симбиоз высокоорганизованной грибковой культуры и примитивной нервной ткани, развивший способность к прямому манипулированию геномом хозяина.

****Царство:** Грибоподобные (Mycetae)**

****Отдел:** Несовершенные опухолемиики (Deuteromycota — Neoplasmataceae)**

****Класс:** Психокарциномицеты (Psychocarcinomycetes)**

****Отряд:** Цереброинвазивные (Cerebroinvaziales)**

****Семейство:** Некроконтролирующие (Necrocontrolaceae)**

****Род:** *Номо-tumoris***

****Вид:** *Номо-tumoris sapiens* (Человек опухолевый разумный) — *Предположительно, финальная стадия.***

****2. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ (Биомасса)****

Паразит не имеет фиксированной формы на ранних стадиях, так как базируется на теле носителя. Однако на продвинутых стадиях (3-4) он образует обособленную биомассу, функционирующую как вторичный орган.

****Первичная форма (Локальная):**** Плотный, бугристый узел неправильной формы. Цвет варьируется от грязно-розового до багрово-синюшного. Консистенция напоминает неспелую папайю или фиброзную ткань, но при пальпации внутри ощущается плотное ядро (склерозий).

****Вторичная форма (Распространенная):**** При разрастании по телу хозяина опухоль не просто прорастает органы, а **замещает** их. Образуются сети тяжей (мицелиальных каналов), пронизывающих мышечные ткани. Внешне это выглядит как вздутия под кожей, которые пульсируют в унисон, но не с сердцем носителя, а с собственным ритмом (примерно 15-20 "вдохов" в минуту — процесс всасывания питательных веществ).

****3. БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ (Тело "паразита" вне тела хозяина)****

Изолированная биомасса паразита (при отделении от носителя погибает в течении 2-4 часов, если не найти нового):

*****Вес:***** Вариативно. На 3-й стадии инвазии масса опухолевой ткани может составлять от 15% до 40% от общей массы тела носителя. Средний вес изолированной колонии (взрослый носитель, стадия 3) — *****12-18 кг*****.

*****Габариты:***** Не применимы в классическом смысле. Организм аморфен. В состоянии покоя (in vitro) представляет собой бесформенную лепешку диаметром до 50 см и толщиной 10-15 см. В активном состоянии может вытягивать псевдоподии (ложноножки) из клеток для поиска новой среды или защиты.

*****4. ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ И МЕХАНИЗМ ИНФИЦИРОВАНИЯ*****

Паразит действует не как хищник, а как "архитектор". Его споры (микроскопические, размером 3-5 мкм) проникают через микротрещины кожи или дыхательные пути.

1. *****Латентная стадия (Инкубация):***** Спора оседает в тканях и внедряется в митохондрии клетки, подменяя ее энергетический код. Клетка начинает бешено делиться, но не хаотично (как при обычном раке), а по *заданному чертежу*.

2. *****Стадия "Инкубатора" (Узел):***** Формируется первичный узел. Паразит выделяет нейромедиаторы (дофамин и эндорфины), воздействуя на центр удовольствия мозга. Носитель испытывает эйфорию и считает опухоль "частью себя", часто не давая ее удалить.

3. *****Стадия "Марионетки":***** Мицелий прорастает в спинной и головной мозг. Паразит берет под контроль вегетативную нервную систему. Носитель перестает чувствовать голод или боль от растущей опухоли. Появляются первые изменения в поведении — агрессия к "неинфицированным", навязчивое желание находиться в темноте и сырости (идеальные условия для спороношения паразита).

4. *****Стадия "Взрыва" (Терминальная):***** Тело носителя превращается в "ходячий спорангий". Опухоль прорывает кожу в нескольких местах, образуя зияющие "кратеры", из которых при малейшем движении выделяется густая маслянистая жидкость, кишащая спорами. Носитель на этой стадии фактически мертв, тело движется за счет мышечных сокращений, вызванных электрическими импульсами грибницы.

*****5. ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ (Коллективный разум)*****

На поздних стадиях заражения наблюдается феномен "Улья". Несмотря на то, что носители выглядят как отдельные люди, их мозговая активность синхронизируется.

* Они могут координировать атаки без слов.

* Их привлекают источники тепла и углекислого газа (дышащие жертвы), так как паразит "чувствует" потенциальных новых хозяев.

* Тела носителей на 4-й стадии стремятся сбиваться в кучи для поддержания влажности и температуры, необходимых для созревания спор ("мицелиальные гнезда").

*****Заключение:*****

Организм ХТ-42-Beta не является просто хищником. Это сетевая структура, паразит, который перестраивает биосферу под себя, используя людей как питательный субстрат и средство передвижения. Распространение спор происходит не только воздушно-капельным путем, но и через биологические жидкости инфицированных (слюна, пот, кровь).

*****Рекомендация:*****

В случае контакта с## зараженным — немедленная кремация на месте. Медикаментозное лечение на данный момент невозможно: препараты, убивающие паразита, убивают и измененные клетки хозяина, вызывая некроз тканей быстрее, чем рост опухоли.

****Конец отчета.****

****100**

IQ

.Прохожий. **

Парк. Ночь.

Идут навстречу друг другу.

Я возвращаюсь с встречи с инвестором. Сделал предварительную оценку компании: мультипликатор 8.5 к EBITDA, долговая нагрузка умеренная, войти можно. В голове прокручиваю структуру сделки — через SPV или напрямую? Если через SPV, то юрисдикция...

Темно. Фонари экономят. Бюджетники, блин.

Навстречу — мужик. Руки в карманах, взгляд в землю. Лет под сорок, одежда простая. Лица не разобрать.

Сближаемся.

Метр.

Полметра.

— Эй, — тихо так, будто знакомого увидел.

Я поворачиваю голову. Смотрю в лицо. Незнакомое. Глаза пустые. Зрачки огромные, хоть и темно.

Он делает шаг. Уже вплотную.

Я думаю: «Надо ускорить шаг, какой-то он странный». И одновременно в голове цифры: EBITDA 12 миллионов, долг 30, ковенанты...

Рука у него дергается.

Я даже не сразу понимаю, что произошло. Просто вдруг в правом боку, под ребрами, что-то холодное. Очень холодное. И четкое. Как будто карандаш воткнули, только глубже.

Смотрю вниз.

Из куртки торчит рукоятка. Черная, рифленая. Из-под нее по ткани расползается темное пятно. Мокрое. Теплое.

Мысль: «Нож. Мне воткнули нож».

Он уже разворачивается и уходит быстрым шагом. Не бежит — идет. Спокойно так. Деловито.

Я стою.

Пытаюсь вдохнуть — не получается. Воздух есть, а легкие не слушаются. В голове вдруг проясняется, как перед дедлайном.

Мысль: «Проникающее ранение брюшной полости. Правое подреберье — скорее всего печень. Скорую вызывать — 10 минут до приезда плюс 20 обратно. Не успеваю».

Ноги подкашиваются.

Я опускаюсь на колени. Потом на бок. Лежу на холодной земле, смотрю на черные ветки над головой. Луна просвечивает сквозь них. Как через бюджетную калькуляцию.

Мысль: «Надо было брать кэш, а не акции. Акции теперь наследуют жена и дети. А кэш бы пропили. Так даже лучше».

Пятно на куртке растет. Тепло уходит из тела. Становится легко и спокойно.

Мысль: «Зря я на ипотеку не рефинансировал в прошлом году. Ставка была 8%, сейчас бы грыз локти. Хотя какие локти...»

Темнеет.

Последняя мысль, четкая, как выписка из банка:

«Риски надо было считать до выхода из дома, а не после».

****День первый. Участок. Камера допроса.****

Я детектив. Сажу напротив двоих. Лысый и молодой. Граждане РФ. Флешка жертвы в кармане одного. Билеты в Москву на сегодня. Алиби — бар в отеле, где жил убитый.

Смотрю на них. Лысый потеет. Молодой смотрит в стол.

— И ещё раз, — говорю. — Где нашли флешку?

(Мысленно: «Ну давай, расскажи мне ещё раз про парк. Про то, как шли мимо. В час ночи. В парке. Гуляли. Туристы, блин».)

Лысый шмыгает носом:

— Я же говорил. В парке. На скамейке лежала. Мы мимо шли, увидели, подобрали. Думали, телефон, а там флешка.

(Мысленно, лысый: «Скамейка. Да, скамейка. Главное, чтобы не спросил, какая. Я тот парень не запомнил, там темно было. Игорь, ты чего молчишь? Помогай давай».)

Я смотрю на молодого. Тот сидит неподвижно, только пальцы по столу барабанят.

— А вы, — говорю ему. — Подтверждаете? Скамейка?

Молодой поднимает глаза. Спокойные. Слишком спокойные.

— Подтверждаю. Скамейка. У пруда. Там ещё фонарь сломанный. Мы на неё сели отдохнуть, а под ней флешка.

(Мысленно, молодой: «Пруд. Да, пруд. Я читал в отчёте, что тело нашли у пруда. Значит, скамейки там есть. Должны быть. Парк же. А фонарь... Ну сломанный, подойдёт. Главное — не переигрывать».)

Я киваю. Делаю вид, что записываю.

(Мысленно: «Пруд. Фонарь сломанный. Откуда они знают? В протоколе это есть, но они ж его не видели. Если только... Ладно, проверим».)

— Во сколько нашли?

Лысый смотрит на молодого. Тот чуть заметно качает головой.

— Не помню точно, — говорит лысый. — Часов одиннадцать? Двенадцать?

— В баре вы в это время были, — говорю. — Вы же сказали, в баре пили до двух.

Лысый открывает рот. Закрывает. Смотрит на молодого.

(Мысленно, лысый: «Бля. Бля. Мы же про бар сказали. А теперь про парк. Игорь, твою мать, выкручивайся».)

Молодой улыбается. Легко так, расслабленно.

— Мы сначала в парке гуляли, потом в бар пошли. Флешку нашли в парке, а в баре уже пили. Время разное.

*(Мысленно, молодой: «Тупица. Я ж тебе говорил — не меняй показания. Гуляли, нашли, пошли в бар. Просто. А ты уже и про скамейку, и про пруд, и про фонарь. Надо было молчать, пусть он говорит, а я киваю».)**

Я смотрю на них. Оба синхронно отводят глаза.

— Значит, так, — говорю. — Флешку нашли в парке. В районе пруда. У сломанного фонаря. В районе одиннадцати-двенадцати. Потом пошли в бар. И просидели там до двух. А утром — в аэропорт. В Москву. С флешкой убитого человека. Которого убили как раз в том парке. В районе пруда. Примерно в то же время.

Тишина.

Лысый сглатывает. Молодой смотрит в стол.

(Мысленно, лысый: «Всё. Приехали. Сейчас посадят. Игорь, скажи что-нибудь. Ты же умный. Ты же всегда выкручивался».)

(Мысленно, молодой: «Молчи. Просто молчи. Он блефует. Если б были доказательства, уже бы надел наручники. У него ничего нет. Только наши слова. Держись».)

Я встаю. Подхожу к окну. Смотрю на улицу.

— Знаете, — говорю не оборачиваясь. — Я двадцать лет работаю. И знаете, что понял? Люди врут одинаково. Когда врут, они хотят, чтобы всё было логично. Слишком логично. Скамейка, пруд, фонарь, бар, аэропорт. Одна деталь к другой. Как пазл. А правда — она нелогичная. В правде всегда есть дыра. Вот у вас — пазл. А дыры нет. Значит, врете.

Оборачиваюсь.

Лысый белый как мел. Молодой смотрит на меня. В глазах — злость.

(Мысленно, молодой: «Умный, сука. Ладно. Играем дальше. Адвоката. Молчать до адвоката. И ничего не подписывать».)

— Я хочу адвоката, — говорит молодой.

— Конечно, — киваю. — Сейчас пригласим. А пока посидите подумайте.

Выхожу. В коридоре закуриваю. Подходит напарник:

— Ну что?

— Врут оба. Но один умный, второй дурак. Умный поведёт дурака. Будет давить на адвоката, на процедуры, на сроки. Дурак сломается через сутки.

— Думаешь, они убили?

— Не знаю. Но флешка — точно не случайно. Они знали, что несут. И знали, кому несут. В Москве кто-то ждал эти данные. Кто-то, кто заплатил.

— Консул США звонил опять. Требуется доступ к задержанным. Говорит, данные имеют гриф.

— Какой гриф? Это ж медицинские исследования.

— Не знаю. Говорит, если утечка — международный скандал.

— Уже скандал. У нас труп в морге. А эти двое — пешки. Надо искать, кто заказал.

Тушу сигарету. Иду к себе. На столе — распечатки с флешки. Медицинские термины, графики, схемы. Ничего не понимаю. Но вижу одно слово, которое повторяется: «Гиппократ-2.0». И подпись внизу каждой страницы: «Конфиденциально. Только для участников программы».

Звонит телефон. Жена погибшего. Плачет, спрашивает, когда можно забрать тело. Говорю — скоро. Вешаю трубку.

Смотрю на фотографию Рощина. Хирург. Спасал людей. А кто-то его убил. За какие-то бумажки. За флешку. За данные.

Думаю: что там такого, ради чего убивают?

Ответа нет. Но будет.

****150**

IQ

.Прохожий. **

Парк. Ночь.

Идут навстречу друг другу.

Вышел проветриться, пока компьютер занят. В парке темно, фонари горят через один. Освещение###, тени падают неправильно.

В голове — персонаж, которого я моделирую. На плече topology сломана, edge flow нарушен. Если не исправить, при анимации будет ошибка деформации. UV развертка тоже не готова — шеллы перекрываются, lightmap запечется с артефактами.

Навстречу — мужчина. Силуэт###. Руки в карманах — rig, наверное, кривой, анимация ходьбы дерганая.

Сближаемся.

Лицо. Текстуры низкого разрешения. Normal map нет. Глаза пустые — cornea не настроена, отражения отключены. Шейдер плоский.

— Эй, — говорит.

Звук глухой, без эха.

Подходит вплотную.

Рука дергается.

Чувствую удар под ребра. Холодный, резкий.

Смотрю вниз.

Рукоятка торчит. Черная. Из тела.

Мысль: «Нож. Collision geometry не сработала. Hitbox был слишком широкий».

Опускаюсь на землю. Сажусь, спиной на дерево оперся. В боку мокро, тепло. Кровь темная в свете луны.

Мысль: «Надо было сузить hitbox. Оставил wide по умолчанию. Теперь critical hit».

Темнеет. Постепенно, как смена LOD. Детализация падает. Цвет уходит. Остается только силуэт.

Последняя мысль: «Auto-save был включен. Лид откроет сцену, увидит мою работу. Edge flow я поправил. Пусть апрувят».

Темно.

****Пекин. Третьи сутки после убийства. Офис без вывески.****

Я сижу в комнате без окон. Только стол, стул, компьютер. На стене — портрет председателя. Передо мной — человек в гражданском. Лицо спокойное, как у статуи. Говорит по-английски с лёгким акцентом.

— Вы детектив с Кипра. Мы знаем. Мы следили за вашим расследованием. У нас есть информация, которая может вас заинтересовать.

Я молчу. Жду.

— Виктор Роцин. Хирург. Работал по программе «Гиппократ-2.0». Вы знаете, что это за программа?

— Медицинские исследования. Опухоли мозга.

Человек улыбается. Едва заметно.

— Да. Медицинские. Но не только. Программа финансируется Пентагоном. Через подставные фонды. Официально — изучение онкологии. Неофициально — разработка препаратов, которые можно использовать по-другому.

— Как?

— Вы слышали про биооружие? Нет, не банальные штаммы. Точечное воздействие. Препараты, которые проникают через гематоэнцефалический барьер. Которые могут изменять сознание. Подавлять волю. Убивать без следа. Роцин работал над этим десять лет.

*(Мысленно, китайский агент: «Пусть думает, что мы раскрыли карты. На самом деле мы только начинаем. Этот детектив — пешка, но пешка иногда заходит туда, куда ферзь не может. Пусть идёт. Мы будем рядом».)**

Я смотрю на него. Лицо не читается.

— Откуда вы знаете?

— У нас есть свои источники. Роцин хотел уйти из программы. Говорил коллегам, что не может больше. Что его исследования используют не для лечения. Он собирался дать показания. Передать данные журналистам. Или нам.

— Вам?

— Китай заинтересован в мире. Мы не хотим гонки вооружений в медицине. Мы хотели получить доказательства и передать в ООН.

(Мысленно: «Или использовать против США в Совбезе. Или скопировать разработки и создать свои. Или просто не дать американцам монополию. Детективу это знать не обязательно».)

— Кто его убил?

— Мы не знаем. Но мы знаем, кто заказывал. Американцы. Их агенты на Кипре. Профессионалы. Удар под ребра — их почерк. Чисто, быстро, без следов.

— А двое русских с флешкой?

— Пешки. Им заплатили, чтобы забрать данные и вывезти. Они не знали, что несут. Думали, медицинские документы, можно продать.

— Кто им заплатил?

Человек молчит. Смотрит на меня.

— Мы ищем. Но время поджигает. Американцы уже требуют экстрадиции. Если они получают этих двоих — мы никогда не узнаем правду. Данные исчезнут. Программа продолжится. Рошин умрёт зря.

Я встаю.

— Зачем вы мне это говорите?

— Чтобы вы знали. Чтобы не дали себя обмануть. Чтобы нашли убийцу. Настоящего. А не этих мелких шестёрок.

(Мысленно: «И чтобы через тебя передать информацию в прессу. Чтобы скандал вышел на международный уровень. Чтобы США пришлось оправдываться. Игра только начинается, детектив. А ты — фигура на доске».)

Я иду к двери. Останавливаюсь.

— Если это правда... Почему вы сами не вмешаетесь? Не заявите официально?

Тишина. Потом голос:

— Потому что тогда будет война. А мы не хотим войны. Мы хотим справедливости. Идите. Работайте. Мы будем на связи.

Выхожу. На улице — Пекин. Солнце, шум, люди. В руках — флешка, которую дал китаец. На ней — документы Рошина. Те, что не попали на Кипр. Те, что объясняют всё.

Или не объясняют. Или это подстава. Или правда.

Я не знаю.

Но теперь я знаю, куда копать.

****Ночь. Отель в Пекине.****

Лежу на кровати. Смотрю в потолок. В голове — китаец, его слова, его улыбка.

(Мысленно, детектив: «Наебать пытается? Или правду говорит? Китайцы так просто не раскрываются. Значит, им это выгодно. Значит, у них есть интерес. Но какой? Остановить США? Получить доступ к данным? Или просто стравить всех и смотреть?»)

Звонит телефон. Напарник с Кипра:

— Тут новости. Американцы давят на суд. Хотят забрать русских сегодня. Говорят, есть договорённости.

— Держи их. Мне нужно два дня.

— Не получится. Судья под давлением. Завтра решат.

Кладу трубку. Смотрю на флешку. Вставляю в ноутбук. Файлы. Медицинские термины. Графики. И одно письмо. Личное. На русском. Открываю.

«Мама, я не могу больше. То, что они заставляют делать, — это не медицина. Это убийство. Я хочу всё рассказать. Боюсь, что не успею. Если со мной что-то случится, знай: я пытался остановить это. Целую. Витя».

Дата — две недели назад.

Сажу. Смотрю в экран.

(Мысленно: «Витя, бля. Ты пытался остановить. А они остановили тебя. Первыми».)

Закрываю ноутбук. За окном — Пекин. Огни, небоскребы, миллионы людей. Где-то среди них — китаец, который ждёт моего звонка. Или не ждёт. Или уже знает, что я сделаю.

Я не знаю, кому верить.

Но знаю одно: утром лечу обратно. И буду копать. Пока не докопаюсь. До правды. Или до могилы.

****200**

IQ

.Прохожий.**

Парк. Ночь.

Идут навстречу друг другу.

Вышел пройтись после шестнадцатичасовой смены. Только что закрыли глиобластому, лобная доля, доступ через прецентральную извилину. Опухоль инфильтрировала мозолистое тело, пришлось работать на грани функционально допустимого. Интраоперационный нейромониторинг показал сохранность речевых зон Брока — слава богу, пациент разговаривал всю операцию. Но по моторным вызванным потенциалам был момент, когда я подумал, что пережали питающий сосуд. Гемостаз сделали идеально, но дренаж оставил под вопросом — после закрытия твердой мозговой оболочки давление могло измениться. На утро надо смотреть КТ, исключать отек или гематому.

Темно. Фонари тусклые. Сетчатка адаптируется медленно — в операционной освещение другое, лампы Zeiss дают 50000 люкс, а тут даже уличного освещения недостаточно для нормальной остроты зрения.

Навстречу — мужчина. Примерно 40-45 лет. Походка асимметричная — возможно, компенсаторный механизм при скрытой неврологической патологии, либо просто усталость. Руки в карманах — поза закрытая, психологический дискомфорт или агрессивный потенциал. Зрительный контакт отсутствует — взгляд в асфальт, значит, либо глубоко погружен в свои мысли, либо намеренно избегает встречи глазами. Зрачки в темноте не оценить, но положение головы — легкий поворот влево — может указывать на доминантность правого полушария в обработке информации.

Сближаемся.

Дистанция сокращается до двух метров. Я инстинктивно оцениваю траекторию его движения — не отклоняется, идет прямо. Либо не видит меня, либо игнорирует. В норме люди при встречном движении на узкой дорожке смещаются вправо. Он не смещается.

Метр.

— Эй, — голос хриплый, без модуляций, похоже на дисфонию — либо курит, либо было микроинсульт в анамнезе, поврежден возвратный нерв.

Я поворачиваю голову. Смотрю в лицо. Асимметрия носогубных складок? В темноте не видно. Глаза — белки чистые, склер без инъекции, значит, не алкоголик, печень в порядке. Но зрачки — расширены. Мидриаз. Либо темнота, либо симпато-адреналовая реакция — стресс, агрессия, возможно, психостимуляторы.

Он подходит вплотную. Рука выходит из кармана. В руке — предмет. Блестит. Металл. Длина лезвия — сантиметров 15-20, судя по рефлексу. Колющее оружие.

Движение.

Я вижу траекторию — снизу вверх, под реберную дугу. Цель — печень или селезенка. Опытный удар. Не первый раз.

Чувствую вход. Холод, потом жжение. Лезвие проходит через кожу, подкожную клетчатку, мышцы. Перфорация брюшины — ощущение резкое, как разрыв. Дальше — паренхима. Печень. Кровотечение в брюшную полость.

Я смотрю вниз. Рукоятка торчит из правого подреберья. Проекция — сегмент VI печени по Куино. Портальная зона. Если задет крупный сосуд — летальность высокая.

Мысль: «Гемоперитонеум. Объем кровопотери — первая секунда — около 100-150 мл. Дальше — минус 50 мл в секунду. Сознание — 3-5 минут при таком темпе. Пульс — тахикардия, но пока не считаю. Давление упадет через 2 минуты. Геморрагический шок первой степени перейдет во вторую, потом необратимо».

Он уходит. Шаги удаляются. Я слышу ритм — левая, правая, левая. Хромоты нет. Значит, опорно-двигательный аппарат в норме. Для протокола.

Я опускаюсь на колени. Потом на бок. Лежу на земле. Рука машинально тянется к ране — пальпировать нельзя, занесет инфекцию. Хотя какая уже разница.

Мысль: «Тампонада раны — бесполезно, печень не прижать. Гемостаз только хирургический. До operating room — 20 минут минимум. С учетом вызова скорой — 30. Кровопотеря — 2 литра за это время. Летальность 100%».

В голове прокручиваю последнюю операцию. Там дренаж оставил под вопросом. Надо было написать в протоколе четко: удалить через 24 часа при отсутствии отделяемого. Ассистент молодой, мог не понять. Напишу сейчас — некому писать. Телефон в кармане. Достать? Рука не слушается.

Мысль: «Пациент с глиобластомой. Если у него отек после закрытия ТМО — вклинение. Ассистент один не справится. Надо было дежурить оставить кого-то из ординаторов. Не оставил. Переложил ответственность. Как сейчас».

Темнеет. Периферическое зрение отключается первым — падает перфузия затылочных долей. Центральное еще держится. Вижу ветки. Луну. Луна как операционная лампа, только свет холодный, без спектра нужной температуры.

Последняя мысль — четкая, как показания монитора: «Оперировать надо было быстрее. Кровопотеря меньше. И дренаж контрольный поставить. И этого мужика — по походке я сразу понял, что-то не так. Надо было обойти стороной. Не обошел. Теперь сам пациент».

Темно.

****Прямой эфир. Телеканал «Международные исследования». Студия в Лондоне.1.****

Ведущая в студии поправляет микрофон, смотрит в камеру, на экране логотип и надпись «Марс: 10 лет колонизации»:

— Добрый вечер. Мы продолжаем серию репортажей, посвящённых десятилетию постоянного присутствия человека на Марсе. Сегодня у нас уникальная возможность выйти на прямую связь с Красной планетой. На связи — командир международного экипажа научной станции «Олимп-1», космонавт-исследователь Алексей Корсаков. Алексей, добрый вечер! Вы в эфире телеканала «Международные исследования». Как слышно?

****Кадр: репортёр сидит в аппаратной лондонской студии. Перед ним монитор с изображением космонавта. На репортёре наушники, в руке ручка, перед ним блокнот. Лицо сосредоточенное, серьёзное. Он кивает, хотя космонавт его не видит.****

— Слышно хорошо, спасибо. Алексей, мы рады вас приветствовать. Расскажите нашим зрителям: как проходит обычный день на Марсе? Чем сейчас занята ваша группа?

(Мысленно: «Четыре минуты задержки сигнала. Невероятно. Голос идёт прямо с Марса. Я разговариваю с человеком, который находится на другой планете. Это же исторический момент. Надо записывать каждое слово».)

Космонавт на экране замер, потом через паузу начал говорить про ровер в кратере Гюйгенс, про изотопы, про термальные источники. Репортёр слушает, быстро записывает в блокнот.

(Мысленно: «Кратер Гюйгенс. Ровер нашёл породы с необычным изотопным составом. На Земле такие породы формируются только в присутствии термальных источников. Значит, на Марсе была горячая вода. А где горячая вода — там могла быть жизнь. Гениально. Просто гениально. Эти люди каждый день делают открытия, которые перевернут науку».)

Ведущая в студии задаёт следующий вопрос, репортёр слышит её голос в наушнике, читает по бумажке, но уже с искренним интересом:

— Алексей, расскажите нашим зрителям: чем именно сейчас занимаются учёные на Марсе? Какие главные задачи стоят перед всеми десятью поселениями?

(Мысленно: «Десять поселений! Десять! А я ещё помню, когда только первое запускали. И теперь у них целая сеть станций. Наука, геология, биология, физика — они работают по всем направлениям. Настоящие герои. Не то что мы тут, в тёплых студиях».)

Космонавт начал рассказывать про геологию, биологию, физику. Репортёр записывает, иногда поднимает глаза на экран, смотрит с восхищением.

(Мысленно: «Они изучают, как формировалась планета. Ищут следы жизни. Изучают космос. И всё это за двести миллионов километров от дома. В условиях радиации, холода, замкнутого пространства. А он говорит так спокойно, будто это обычная командировка. Какая сила духа!».)

Космонавт упомянул углерод-12. Репортёр оживился, крупно записал в блокнот, подчеркнул двумя линиями.

(Мысленно: «Углерод-12 в концентрации, которая на Земле почти всегда указывает на биологическое происхождение! Они нашли следы жизни! Ну, почти нашли. Ещё тесты нужны. Но это же сенсация. Через год мы узнаем, что на Марсе была жизнь. Я до этого доживу. Мои дети будут это изучать в школах».)

Ведущая спрашивает про координацию между поселениями. Репортёр смотрит в блокнот, видит вопрос, читает с искренним любопытством:

— Алексей, а как организовано взаимодействие между всеми десятью станциями? Вы обмениваетесь данными? Работаете над общими проектами?

(Мысленно: «Десять станций, учёные из разных стран, а работают как единый организм. Русские, американцы, китайцы, европейцы — все вместе. Если бы на Земле так же, мы бы давно все проблемы решили. Марс объединяет людей. Это так правильно, так красиво».)

Космонавт отвечает про стратостат, про китайцев с оболочкой, про француза с креплениями, про американцев со скотчем. Репортёр слушает и улыбается.

(Мысленно: «Китайцы сделали оболочку, француз переделывает крепления, американцы предлагают решение. И всё это ради науки. Ради того, чтобы запустить стратостат на пятьдесят километров и взять пробы атмосферы. Если найдут метан — ещё одно доказательство жизни под поверхностью. Каждый день, каждый час они приближают человечество к великому открытию. А я сижу здесь и просто слушаю. Мне так повезло».)

Ведущая задаёт личный вопрос. Репортёр внутренне замирает — это самое важное.

— Что вы чувствуете, глядя на Марс каждый день? Привыкли? Или всё ещё захватывает дух?

(Мысленно: «Пожалуйста, скажи правду. Скажи, каково это — жить на другой планете. Я хочу понять. Я хочу почувствовать хоть немного того, что чувствуешь ты».)

Космонавт замер на секунду, потом начал говорить про иллюминатор, про красный песок, про небо цвета тёмного шоколада на закате. Репортёр слушает, и у него самого перехватывает дыхание.

(Мысленно: «Красный песок... Небо цвета тёмного шоколада... Он видит это каждый день. Каждый день! А я тут жалуюсь на дождь в Лондоне. Какая же это, наверное, красота. И он не привык. Он говорит, что смотрит реже, но когда смотрит — понимает, что они там не просто так. Конечно, не просто так. Они там ради всех нас. Ради будущего».)

Космонавт заканчивает, передаёт привет всем, кто мечтает увидеть марсианский горизонт, отключается. Репортёр снимает наушники, сидит несколько секунд неподвижно. В глазах блеск.

(Мысленно: «Связь закончена. Я только что говорил с человеком, который живёт на Марсе. Который каждый день смотрит на небо цвета шоколада и ходит по красному песку. Который ищет следы жизни за миллионы километров от дома. Это был лучший эфир в моей жизни».)

Репортёр встаёт, снимает микрофон, подходит к звукорежиссёру:

— Спасибо, ребята. Вы это слышали? Мы только что говорили с Марсом. С настоящим Марсом. Невероятно.

Выходит в коридор, достаёт телефон. Смотрит на сообщение от редактора: «Углерод-12 — следи. Если подтвердят — готовь большой материал». Улыбается, убирает телефон в карман. Идёт к выходу, смотрит в окно на серое лондонское небо.

(Мысленно: «Там, на Марсе, сейчас закат. Красный песок, тёмное небо. А у нас тут дождь. Но ничего. Мы тоже часть этого. Мы рассказываем об этом людям. Мы делаем историю».)

Выходит на улицу под мелкий дождь, поднимает воротник. Лицо мечтательное, счастливое. Он верит. Каждому слову.

****Прямой эфир. Телеканал «Международные исследования». Студия в Лондоне.2.****

Ведущая в студии, сдержанный деловой стиль, на экране логотип канала и надпись «Марс: 10 лет колонизации»:

— Добрый вечер. Мы продолжаем серию репортажей, посвящённых десятилетию постоянного присутствия человека на Марсе. Сегодня у нас уникальная возможность выйти на прямую связь с Красной планетой. На связи — командир международного экипажа научной станции «Олимп-1», космонавт-исследователь Алексей Корсаков. Алексей, добрый вечер! Вы в эфире телеканала «Международные исследования». Как слышно?

****Кадр:** космонавт стоит в узком техническом отсеке, за его спиной пульты управления, экраны с данными, иллюминатор, за которым — бескрайняя красная равнина под неестественно тёмным небом. Лицо спокойное, но в глазах — лёгкая усталость человека, который уже забыл, что такое нормальный сон.**

Связь устойчивая, слышу вас хорошо. Я нахожусь в лабораторном модуле станции «Олимп-1». Это старейшее поселение на Марсе, именно отсюда десять лет назад началась международная программа изучения планеты. Сейчас нас здесь шестеро: двое русских, американец, китаец, немка и француз. Работаем круглосуточно, в три смены.

(Мысленно: «Господи, опять этот студийный свет в глазах. Четыре минуты задержки, они там увидят это только через четыре минуты. А я здесь уже стою и жду их следующего вопроса. Ладно, привык. Работаем».)

Сегодня у нас важный день. Только что получены данные с ровера, который работает в кратере Гюйгенс. Он нашёл выходы коренных пород с необычным изотопным составом. На Земле такие породы формируются только в присутствии термальных источников. Если это подтвердится, мы получим первое прямое доказательство того, что на Марсе была гидротермальная активность — а значит, были все условия для зарождения жизни.

(Мысленно: «Кратер Гюйгенс, чёрт бы его побрал. Три года туда посылали роверы, и ничего. А теперь, когда у меня заканчивается смена, — пожалуйста. Новые данные. Теперь ещё полгода анализа, отчётов, видеоконференций. Домой хочу. Хотя какой дом — модуль номер три с койкой и фотографией жены на магните».)

Ведущая:

— Алексей, расскажите нашим зрителям: чем именно сейчас занимаются учёные на Марсе? Какие главные задачи стоят перед всеми десятью поселениями?

Мы работаем по трём направлениям. Первое — геология. Мы пытаемся понять, как формировалась эта планета, почему она потеряла атмосферу и воду. Второе — биология. Ищем

следы жизни, прошлой или настоящей. Третье — физика. Марс — идеальная платформа для изучения космоса. Здесь нет такой атмосферы, как на Земле, нет радиопомех.

(Мысленно: «Заученный текст. Сто раз уже говорил. Они хотят слышать про великие открытия, а не про то, что у нас третью неделю не работает туалет в блоке "Б" и китаец ругается с немкой из-за очереди в душе. Наука, конечно, важна. Но быт — это то, что реально здесь убивает».)

Конкретно сейчас моя группа работает с анализатором изотопов углерода. В пробах из кратера Езеро мы нашли углерод-12 в концентрации, которая на Земле почти всегда указывает на биологическое происхождение. Не прямое доказательство жизни, но сильнейший маркер. Если следующие тесты покажут такие же результаты, через год мы сможем заявить: жизнь на Марсе была.

(Мысленно: «Углерод-12. Красиво звучит. А по факту — микроскопические цифры на экране, от которых болят глаза. И мысль, что где-то там, в Вашингтоне или Москве, сидят чиновники и решают, дадут ли нам funding на следующий год. Если не дадут — сворачиваем программу. И все эти углероды к чёрту».)

Ведущая:

— Звучит невероятно! А что насчёт других поселений? У вас есть координация с ними?

Конечно. Все десять станций работают по единой программе. «Нью-Хьюстон» занимается атмосферой, «Тяньвэнь» — глубинным бурением, «Европа» — биологией. Мы обмениваемся данными ежедневно. Сейчас, например, готовим совместный проект по запуску стратостата. Он поднимется на пятьдесят километров и возьмёт пробы верхних слоёв атмосферы. Если там найдутся метан и его соединения, это будет ещё один аргумент в пользу того, что под поверхностью что-то живёт.

(Мысленно: «Стратостат. Китайцы обещали сделать оболочку ещё месяц назад. Сделали, но лопнула при тесте. Теперь француз переделывает крепления, матерится по-своему, а американец предлагает просто "замотать скотчем". Интернационал, блин. Но без них никак — у китайцев лучшие датчики, у американцев софт, у нас — расчёты. Если этот шарик не взлетит, полгода работы насмарку».)

Ведущая:

— Алексей, спасибо большое. И последний вопрос, скорее личный: что вы чувствуете, глядя на Марс каждый день? Привыкли? Или всё ещё захватывает дух?

Знаете, когда я только прилетел, я каждое утро подходил к иллюминатору и просто смотрел. Часами. Это не передать словами — красный песок, скалы, небо цвета тёмного шоколада на закате. Сейчас, спустя полтора года, я смотрю реже. Но когда выпадает свободная минута и я вижу это... понимаете, это не просто планета. Это вызов. Это напоминание, что мы здесь не просто так.

(Мысленно: «Захватывает дух? Да меня тошнит от этого красного цвета. Полтора года одного и того же пейзажа. Дома, в Подмоскowie, сейчас, наверное, снег. Белый, чистый, пахнет яблоками. А здесь — пыль, камни и радиация. Но сказать им это? Нет. Они должны видеть героя. Герой не ноет. Герой смотрит в будущее».)

Спасибо за вопрос. Связь заканчивается, через пять минут у меня смена в лаборатории. Передаю привет всем, кто мечтает когда-нибудь увидеть этот горизонт своими глазами. Поверьте, он того стоит.

(Мысленно: «Главное, чтобы скафандр не заело, как в прошлый раз. И чтобы американец не сжёг кофе в микроволновке опять. Чёрт, как же я хочу домой».)

Корсаков, Марс, станция «Олимп-1», телеканал «Международные исследования». Конец связи.

Кадр: космонавт отключает микрофон, отворачивается от камеры, смотрит в иллюминатор. Лицо спокойное, но в глазах — усталость, тоска и где-то глубоко — гордость. Он поправляет нашивку на рукаве и уходит в глубь модуля.

****Сон. 40 IQ. Сиреневый светофор.****

Мне снится город. Наш город, только странный. Дома высокие, выше, чем надо. Небо зелёное, как трава, а трава синяя, как небо днём.

Я иду по улице. Один. Никого нет. Тишина. Даже ветра нет. Только мои шаги — топ-топ.

Впереди перекрёсток. Большой. Светофор стоит. Три глаза — красный, жёлтый, зелёный. Как обычно.

Я подхожу ближе. Смотрю.

Красный горит. Я стою. Жду.

Потом красный мигнул и погас. Жёлтый загорелся. Потом зелёный. Всё как положено.

Я уже шаг сделал, чтобы идти.

И тут светофор загорается ****сиреневым****.

Не красный. Не жёлтый. Не зелёный. Сиреневый. Яркий такой, светит прямо в глаза.

Я стою. Не знаю, что делать. На красный — стой. На зелёный — иди. А на сиреневый?

Я смотрю на светофор. Он мигает сиреневым. Раз. Два. Три. Ровно так.

— Эй, — говорю. — Ты чего?

Молчит. Мигает.

Я оглядываюсь. Вокруг никого. Город пустой. Только я и этот сиреневый свет.

И вдруг из домов начали выходить люди. Много. Молча. Идут к перекрёстку. Все смотрят на светофор.

Они подходят и останавливаются рядом со мной. Стоят, смотрят вверх.

— Чего встали? — спрашиваю. — Идти надо?

Никто не отвечает. Только смотрят.

И тут один поворачивается ко мне. Лицо знакомое. Я его знаю. Кто это? Не помню.

Он говорит:

— Сиреневый — это когда не знаешь, куда идти. Стой и жди.

— Чего ждать?

— Пока не поймёшь.

Он отвернулся. Опять смотрит на светофор.

А светофор мигает. Сиреневым. Всё быстрее. Быстрее. Быстрее.

Потом раз — и погас.

Стало темно.

Я проснулся.

Лежу, смотрю в потолок. Темно. Тишина. Только сердце колотится.

Думаю: «Сиреневый... Странно. Не бывает такого».

Закрываю глаза. Опять вижу этот свет. Мигает.

Долго не могу уснуть.

А утром забыл почти. Только цвет остался в голове. Сиреневый.

И тот человек. Кто он был? Не помню.

Но что-то важное. Наверное.

Операционная. Университетский госпиталь Джонса Хопкинса. Балтимор.

Хирург стоит у раковины, трет руки щеткой. Вода горячая, почти обжигает — он любит так. Через стекло видно операционную: на столе лежит пациент, голова зафиксирована в нейрохирургическом каркасе, выбритый череп размечен маркером. Анестезиолог проверяет мониторы, медсестра раскладывает инструменты.

Хирург смотрит на свои руки. Видит каждую морщинку, каждую вену. Думает о том, что через двадцать минут эти руки войдут в чужой мозг.

Входит в операционную. Сестра помогает надеть стерильный халат, перчатки. Тянет за манжеты, проверяет, чтобы сели идеально. Хирург кивает — можно.

Подходит к столу. Смотрит на голову пациента. На снимках МРТ, которые висят на световом планшете, видно: опухоль в левой лобной доле. Глиобластома. Инфильтрирует мозолистое тело, тянется к моторной коре. Границы нечеткие, как дым. Злокачественная. Агрессивная. Если не убрать — три месяца. Если убрать — может быть, год. Может быть, два. Если не задеть речевые зоны.

— Давайте еще раз проверим навигацию, — говорит он.

Сестра подносит планшет с трехмерной моделью мозга пациента. Хирург смотрит, как компьютер совмещает снимки с реальным положением головы. Точность — меньше миллиметра. Хорошо.

Берет скальпель.

— Начинаем.

Разрез. Кожа, подкожная клетчатка, апоневроз. Кровь выступает мелкими каплями — коагулятор тут же прижигает сосуды. Запах жженой плоти. Хирург не замечает — привык. Отгибает кожный лоскут, открывает кость.

Трепанация. Высокоскоростная дрель поет тонко, противно. Костная стружка летит в стороны. Хирург работает уверенно, без лишних движений. Выпиливает костный лоскут — аккуратный, правильной формы. Снимает. Под ним — твердая мозговая оболочка. Серая, блестит. Пульсирует в ритме дыхания пациента.

— Давление в норме, — говорит анестезиолог. — Можно работать.

Хирург вскрывает оболочку. Мозг открывается — живой, теплый, пульсирующий. Извилины, борозды, сосуды. Каждый миллиметр уникален. Каждый миллиметр — это человек.

— Картирование начинаем, — говорит он.

Нейрофизиолог в углу включает стимулятор. Хирург берет зонд с шариком на конце — биполярный стимулятор. Будет касаться разных участков коры и смотреть, что произойдет.

— Разбудите пациента.

Анестезиолог убирает седацию. Пациент открывает глаза. Он в сознании, но ничего не чувствует — местная анестезия работает, мозг не имеет болевых рецепторов. Только легкое давление, если касаются.

— Вы как? — спрашивает хирург.

— Нормально, — голос хриплый, через трубку в горле.

— Сейчас я буду прикасаться к вашему мозгу. Вы будете называть картинки, которые я показываю. Если почувствуете, что не можете говорить — просто поднимите палец. Хорошо?

— Хорошо.

Хирург начинает. Касается зондом коры. Пациент называет картинки на планшете, который держит медсестра: «Яблоко... Кошка... Машина...». Хирург двигается дальше. Касается другого участка.

Тишина.

Пациент открывает рот, но звука нет. Губы двигаются, а голос пропал.

— Еще раз, — говорит хирург. — Что это?

Пациент молчит. Потом выдыхает, и вдруг: «Машина...» — голос прорезается, как радио, которое поймали волну.

Хирург выдыхает. Зона Брока найдена. Она здесь, в двух миллиметрах от края опухоли. Значит, резецировать придется максимально аккуратно. Почти на грани.

— Спасибо, — говорит он пациенту. — Отдыхайте.

Анестезиолог возвращает седацию. Пациент закрывает глаза.

Хирург берет микрохирургические ножницы и отсос. Теперь самое сложное. Он входит в мозг. Идет по краю опухоли, отделяя здоровую ткань от больной. Опухоль белесая, плотная, не такая, как нормальное серое вещество. Она как песок, который насыпали в желе — крошится, но держится.

— Кровопотеря 200, — говорит медсестра.

— Понял.

Он работает под микроскопом. Увеличивает в двадцать раз. Видит каждый капилляр, каждую клетку. Руки не дрожат. Движения микроскопические — миллиметр туда, миллиметр

сюда. Если ошибиться — паралич. Если ошибиться — пациент не заговорит. Если ошибиться — смерть.

— Еще сантиметр, — говорит он сам себе.

Находит питающий сосуд. Тонкий, как волос. Подходит к опухоли прямо из глубины. Если пережать — кровоснабжение опухоли прекратится, но если это сосуд здоровой ткани — ишемия, инсульт.

Смотрит на навигацию. Компьютер показывает: это сосуд опухоли. Почти наверняка. Почти.

— Клипсу, — говорит.

Сестра подает клипсу — микроскопическую прищепку. Хирург ставит. Сосуд пережат. Ждет минуту. Мониторы показывают: мозг жив, функция не нарушена. Значит, угадал.

Убирает сосуд. Кровотечения нет. Опухоль теперь висит на последних нитях.

— Удаляю, — говорит.

Вынимает фрагмент опухоли. Кладет в лоток. Еще один. Еще. Смотрит в рану: чисто. Края розовые, здоровые. Гематомы нет. Кровотечения нет.

— Гемостаз, — командует.

Обрабатывает полость перекисью, проверяет каждый миллиметр. Все сухо.

— Закрываем.

Ушивает твердую мозговую оболочку. Нити тонкие, как паутина. Ставит костный лоскут на место — фиксирует титановыми пластинами. Крошечные винты вкручиваются с легким хрустом. Сверху — кожа. Швы косметические, чтобы рубец был незаметен.

— Время? — спрашивает.

— Шесть часов сорок минут.

Хирург отходит от стола. Снимает перчатки. Руки дрожат мелкой дрожью — адреналин уходит, мышцы расслабляются. Садится на табурет. Смотрит на часы. Утро.

— В реанимацию, — говорит. — МРТ контроль через два часа. Если отек — маннитол по схеме. Если гематома — сразу меня вызывайте.

Медсестры перекладывают пациента на каталку. Увозят.

Хирург сидит. В голове пусто. Только усталость и где-то глубоко — удовлетворение. Получилось. Он вытащил почти всю. Пациент будет жить. Пациент будет говорить.

Встает. Идет в ординаторскую. Надо заполнить протокол, написать назначения, отдать распоряжения на послеоперационный уход. А потом — спать. Хотя бы три часа. Потому что через три часа придет следующий.

Садится за стол. Берет ручку. Пишет: «Протокол операции. Пациент...»

Дописывает. Смотрит в окно. Там темно. Ночь. Надо еще дренаж контрольный поставить, но решил, что не надо — риск отека минимальный, а дренаж лишняя инвазия. Пишет: «Дренаж не устанавливался. Контроль КТ утром».

Встает. Выходит в коридор. Пусто. Только дежурная медсестра сидит на посту, листает журнал.

— Домой? — спрашивает.

— Нет, — говорит хирург. — Пройдусь. Парк рядом.

— Ночью? Страшно же.

Хирург улыбается.

— Я только что шесть часов в чужом мозгу ковырялся. Чего мне бояться?

Выходит на улицу. Холодно. Темно. Фонари горят через один. Идет в сторону парка. В голове — протокол операции, послеоперационные назначения, МРТ через два часа. Надо будет позвонить в реанимацию, узнать, как проснется.

Темно.

Навстречу кто-то идет.

****Сон. 100 IQ. Сиреневый светофор.****

Мне снится город.

Я стою на перекрёстке. Место знакомое — центр, где я работал лет десять назад. Но всё не так. Здания выше, пропорции смещены. Небо тёмно-зелёное, как перед грозой, но грозы нет. Тишина.

Я один.

Впереди светофор. Обычный трёхсекционный. Горит красный. Я смотрю на него, жду.

Красный сменяется жёлтым. Потом зелёным. Я делаю шаг.

И тут светофор загорается ****сиреневым****.

Не моргает, не переключается. Просто сиреневым. Ровным, ярким. Как будто так и надо.

Я замираю. Нога в воздухе.

— Что за... — говорю вслух.

Тишина.

Светофор горит сиреневым. Секунда. Две. Три.

В голове начинают щёлкать варианты. Красный — стой. Зелёный — иди. Жёлтый — приготовься. Сиреневый...

Сиреневого нет в ПДД. Ни в каких.

Значит, либо я сплю. Либо это не светофор. Либо...

Я не успеваю додумать.

Из боковых улиц начинают выходить люди. Много. Идут молча, не глядя друг на друга. Все к перекрёстку. Все смотрят на светофор.

Они подходят и останавливаются рядом. Стоят плотно, плечом к плечу. Я среди них.

— Что происходит? — спрашиваю у соседа.

Он не отвечает. Смотрит вверх.

Я смотрю на лица. Знакомые. Очень знакомые. Вот тот мужчина — я видел его в морге три года назад. А вот женщина — она была свидетелем по делу об убийстве, которое я вёл. Мёртвая уже пять лет.

Они все здесь. Все, кого я видел мёртвыми.

— Вы... — начинаю я.

— Смотри, — говорит кто-то.

Я поднимаю глаза. Светофор мигает. Сиреневым. Раз. Два. Три. Медленно. Ритмично.

Как пульс.

— Это сигнал, — говорит тот же голос.

— Какой сигнал?

— Для тех, кто между. Кто не знает, куда дальше. Красный — стой, зелёный — иди. Сиреневый — думай.

— О чём думать?

— О том, зачем ты здесь.

Я смотрю на них. На мёртвых. На себя. На сиреневый свет.

— Я не мёртв, — говорю.

— Пока нет, — отвечает кто-то. — Но ходишь по краю.

Я хочу спросить ещё, но светофор мигает быстрее. Быстрее. Быстрее.

Потом раз — и темнота.

Я проснулся в холодном поту.

Лежу, смотрю в потолок. Номер в отеле. Нейтральная зона. Флешка под подушкой. За окном шумит город.

Сердце колотится. Я считаю пульс. Сто двадцать. Много.

Встаю, подхожу к окну. Зажигаю свет. Смотрю на свои руки. Дрожат.

Сиреневый светофор. Мёртвые люди. Край.

Я знаю, что это значит. Подсознание собралось всё: страх, усталость, чувство вины, ожидание смерти. И выдало образ.

Но от этого не легче.

Я достаю флешку. Смотрю на неё. Семь граммов пластика. Имя, даты, правда. То, за что меня убьют.

— Зачем ты здесь? — спрашиваю я себя.

Светофор в голове мигает. Сиреневым.

Думай.

Я ложусь обратно. Закрываю глаза.

Завтра новый день. Новые риски. Новая игра.

А пока — спать.

Сиреневый пульс затихает. Я проваливаюсь в темноту.

****Прямой эфир. Телеканал «Международные исследования». Токийская фондовая биржа.****

****Кадр:** репортёр стоит на фоне огромных электронных табло, где горят красные цифры. Вокруг — суeta, японские бизнесмены бегают с телефонами, лица напряжённые. Шум, гул, выкрики на японском. Репортёр держится за наушник, кричит в микрофон.**

— Дмитрий Шелест, Токио. Я сейчас нахожусь в эпицентре финансового землетрясения. То, что происходит здесь последние два часа, аналитики уже называли «чёрной средой» для японо-российских отношений.

(Мысленно: «Никогда не видел, чтобы японцы бегали. Они же всегда невозмутимые, как статуи. А сейчас — смотрят на графики, хватаются за голову, орут в телефоны. Паника. Настоящая паника».)

Сегодня утром, без официальных объявлений, крупнейшие инвестиционные дома Японии — «Sakura Securities», «Fuji Capital», «Edo Asset Management» — начали экстренный вывод активов из России. Речь идёт о десятках миллиардов долларов. Акции российских компаний, облигации, депозитарные расписки — всё сбрасывается на рынке за любую цену.

(Мысленно: «Сбрасывают за копейки. Лишь бы успеть. Лишь бы опередить других. Там же, в Москве, ещё утро. А здесь уже полдень. Пока русские проснутся, японцы уже всё продадут. Или уничтожат».)

Я разговаривал с аналитиком, который попросил не называть имя. Он сказал: «Это не просто вывод активов. Это бегство. Капитал бежит из России быстрее, чем люди из горящего дома».

Причина? Официально — новые санкции, которые Япония ввела на прошлой неделе. Заморозка активов «Восток-банка» и «Северной финансовой группы». Запрет на новые инвестиции. Эмбарго на импорт угля, водки, древесины. Но это только вершина.

(Мысленно: «Санкции — для отчётов перед Западом. А реальная причина — страх. Страх, что Россия ответит. Что заблокирует японские активы у себя. Что перекроет последние поставки ресурсов. Что президент РФ запретит вывоз редкоземельных металлов, без которых японская электроника встанет».)

Неофициально — вчера в Токио прошло закрытое совещание в канцелярии премьера. Тема: возможный ответ России на конфискацию активов. Источник в МИД Японии сказал мне: «Мы получили данные, что Москва готовит указ о запрете вывоза стратегических ресурсов. Полупроводники, синтетические кристаллы, кварцевые пластины. Всё, что нужно для производства микрочипов».

(Мысленно: «Микрочипы. Без них Япония — не технологическая держава, а просто острова с красивой природой. А китайцы уже отказались поставлять аналоги. Им тоже выгодно, чтобы японская электроника встала. Конкуренты, блин».)

Сегодня утром, когда открылась биржа, пошла лавина. Первыми начали сбрасывать хедж-фонды. За ними — пенсионные фонды. За ними — все, у кого были хоть какие-то российские бумаги.

Цены рухнули на 30, 40, 50 процентов за час. Покупателей нет. Потому что все знают: завтра эти бумаги могут стать просто мусором.

(Мысленно: «Я смотрю на табло. Акции "Роснефти", которые вчера стоили 200 рублей, сейчас продают по 90. И никто не берёт. Потому что никто не знает, разрешат ли вообще японцам владеть российскими акциями через неделю».)

Я подошёл к брокеру, который вышел курить. Он трясущимися руками зажигал сигарету. Говорит: «Тридцать лет работаю. Ничего подобного не видел. Даже в 2008-м было спокойнее. Тогда хоть понимали, что происходит. А сейчас — темнота. Никто не знает, что будет завтра».

(Мысленно: «Темнота. Точное слово. Никто не знает. В Вашингтоне давят, требуют санкций. В Москве молчат, но готовят ответ. В Пекине потирают руки — им достанется японский рынок электроники. А здесь, в Токио, люди просто пытаются спасти свои деньги. Бегут. Паникуют. Выводят».)

Прямо сейчас, пока я говорю, в здании биржи идёт экстренное совещание руководства Банка Японии с министром финансов. Решают: вмешаться или нет. Поддерживать рынок или дать ему упасть. Но вмешательство — это миллиарды долларов из резервов. А резервы нужны, если Россия завтра заблокирует поставки СПГ.

(Мысленно: «СПГ. Япония импортирует из России почти 10% газа. Зимой. Когда отопление нужно. Если это перекроют — замёрзнут города. А если не перекроют, а просто поднимут цену — рухнет промышленность. Выбор без выбора».)

Я связался с источником в российском посольстве. Он сказал коротко: «Мы наблюдаем. Реакция будет адекватной». Что это значит — не уточнил. Но в кулуарах говорят о завтрашнем указе президента РФ.

(Мысленно: «Адекватная реакция. По-русски это значит: "Вы нам — санкции, мы вам — эмбарго. Вы нам — заморозку активов, мы вам — запрет на вывоз всего, что вам нужно". Игра в одни ворота кончилась. Теперь бить будут с обеих сторон».)

На фоне всего этого — политический кризис. Премьер-министр Японии только что выступил с экстренным обращением. Пообещал защиту инвесторам и стабильность рынков. Ему никто не верит.

(Мысленно: «Защита. Стабильность. Слова. А на табло — всё красное. Люди теряют пенсии. Компании теряют миллиарды. Политики теряют лица. И никто не знает, чем это кончится».)

Сейчас на бирже объявили технический перерыв до 14:00. Чтобы остановить панику. Но панику остановить нельзя. Она уже в головах.

За те полчаса, что я стою здесь, индекс Nikkei упал ещё на 5%. Российские активы обесценились на глазах. Компании теряют миллиарды. Люди теряют сбережения.

(Мысленно: «А где-то в Москве, в Кремле, сидят люди и смотрят на это. И улыбаются. Потому что они знали. Они предупреждали. А теперь — получите. Война санкций — это война на уничтожение. И первый удар нанесли не мы».)

Я попытался взять комментарий у представителя Минфина. Он отказался, только бросил на ходу: «Мы контролируем ситуацию». Контролируют. Ага. Как контролируют пожар, когда дом уже горит.

Дмитрий Шелест, Токио, специально для «Международных исследований».

(Репортёр отключается, снимает наушник. Выдыхает. Смотрит на табло — там снова красные цифры. Мимо пробегает клерк с папкой, роняет бумаги, собирает, трясутся руки.)

— Бля... — шепчет репортёр сам себе. — Это только начало.

(Мысленно: «Интересно, а мои накопления в иенах ещё чего-то стоят? Или уже всё? Надо будет позвонить жене, предупредить, чтобы не покупала ничего. Хотя что предупреждать — она сама умнее. Просто страшно. За всех страшно».)

Уходит с площадки, лавируя между бегущими клерками. В глазах — усталость, тревога и где-то глубоко — азарт. Потому что это его работа. Потому что такие моменты и делают репортёров легендами. Или инвалидами. Посмотрим.

****Сон. 150 IQ. Сиреневый светофор.****

Я стою на перекрёстке.

Это не мой город. Архитектура чужая — здания без окон, дороги без разметки, небо цвета старой бронзы. Но я знаю это место. Я был здесь тысячу раз. Во сне.

Перекрёсток пуст. Ни машин, ни людей. Только светофор. Трёхглазый, на тонкой ноге.

Горит красный.

Я смотрю на него и жду. Я всегда жду. Во сне время течёт иначе.

Красный сменяется жёлтым. Я делаю вдох. Жёлтый сменяется зелёным. Я делаю шаг.

Зелёный гаснет.

Загорается ****сиреневый****.

Я замираю. Нога в воздухе. Смотрю на этот цвет. Чистый, спектральный. Такого не бывает в светофорах. Нигде не бывает.

— Интересно, — говорю я вслух.

Тишина. Светофор мигает. Раз. Два. Три. Ровно, как метроном.

Я анализирую. Красный — стой. Зелёный — иди. Жёлтый — внимание. Сиреневый — что? Ошибка системы? Сбой в матрице сна? Или...

Мысль обрывается.

Они начинают выходить из-за углов. Медленно, бесшумно. Люди. Много. Они идут к перекрёстку, не глядя друг на друга. Все смотрят на светофор.

Я узнаю их.

Вот женщина. Я вёл её дело пять лет назад. Убита. Вот мужчина. Покончил с собой в камере. Вот ребёнок. Девочка. Сбила машина. Я так и не нашёл водителя.

Они подходят и останавливаются рядом. Плечом к плечу. Я среди них.

— Вы здесь, — говорю я. Не вопрос. Констатация.

— Мы всегда здесь, — отвечает кто-то. Голос без тела.

— Почему сейчас?

— Сигнал.

Я смотрю на светофор. Он мигает сиреневым. Быстрее. Мой пульс подстраивается под ритм.

— Какой сигнал?

— Для тех, кто на границе. Кто ещё не перешёл, но уже видит.

— Я вижу?

— Ты видишь сиреневый. Другие не видят.

Я смотрю на людей вокруг. Они смотрят на свет. Спокойные. Мёртвые.

— Что мне делать? — спрашиваю.

— Думать.

— О чём?

— О том, зачем ты здесь. О том, что ты несешь. О том, готов ли ты.

— К чему?

— К переходу.

Я молчу. Смотрю на светофор. Сиреневый пульсирует. В ритме сердца. Моего сердца.

— Я не боюсь смерти, — говорю.

— Знаем. Поэтому ты здесь.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы ты решил. Жить или умереть — не главное. Главное — зачем.

Я смотрю на мёртвых. На их лица. Они не обвиняют. Не просят. Просто смотрят.

— Я сделал, — говорю. — Данные ушли. Правда выйдет.

— Не вся. Не до конца.

— Чего ещё?

— Ты знаешь.

Я знаю. Я всегда знал. Нужно имя. Последнее имя. Тот, кто заказал. Тот, кто до сих пор жив.

— Я не знаю, кто это, — говорю.

— Узнаешь. Если захочешь.

— А если не захочу?

— Тогда сиреневый погаснет. И ты никогда не узнаешь, куда идти.

Светофор мигает быстрее. Быстрее. Быстрее. Сиреневый заполняет всё. Небо, дома, людей. Всё становится сиреневым.

Я закрываю глаза.

Просыпаюсь рывком. Сердце колотится. Я в номере отеля. Нейтральная зона. Флешка под подушкой. За окном рассвет.

Смотрю на руки. Дрожат. Считаю пульс. Сто тридцать. Много.

Встаю, подхожу к окну. Открываю шторы. Солнце. Город. Жизнь.

Сиреневый свет остался во сне. Но вопрос остался со мной.

— Узнаешь, если захочешь.

Я достаю флешку. Смотрю на неё. Семь граммов пластика. Семь имён в совете. Трое мертвы. Трое в бегах. Один...

Один остался.

— Я узнаю, — говорю вслух. — Обещаю.

Свет за окном золотой. Солнечный. Обычный.

Но где-то в глубине сознания всё ещё мигает сиреневый.

Я иду дальше.

Аэропорт Ларнаки на второй день.*

Я стою у выхода на посадку. В руке — билет до Пекина через Дубай. Напарник смотрит на меня как на сумасшедшего.

— Ты уверен? — спрашивает. — Без санкции? Начальник убьёт.

— Начальник убьёт, если я ничего не найду. А там, — киваю в сторону камер, где сидят двое русских, — тупик. Они пешки. Их сожрут через день.

— А в Пекине кто?

— Не знаю. Но звонок был оттуда.

(Мысленно: «Звонок. Вчера, когда я сидел в кабинете. Телефон зазвонил, я взял, а там — молчание. Потом голос: "Приезжайте. Мы знаем, кто убил". И сбросили. Определитель показал Пекин. Всё. Больше ничего. Может, развод. Может, ловушка. Но выбора нет».)

— Смотри, — напарник мнётся. — Если через сутки не выйдешь на связь, я...

— Что? В посольство пойдёшь? Китайское? Скажешь: наш детектив пропал, ищите?

— Ну...

— Не надо. Просто жди. Я сам.

Сажусь в самолёт. Взлетаем. Смотрю в иллюминатор. Кипр уходит вниз. Море, горы, отели. Где-то там — парк, где убили Рощина. Где-то там — двое русских, которые врут про скамейку. Где-то там — американский консул, который давит на суд.

А я лечу в Китай. Потому что кто-то позвонил.

(Мысленно: «Идиот. Полный идиот. У тебя семья, работа, пенсия через десять лет. А ты летишь в чужую страну по звонку неизвестного. Если это подстава — труп. Если правда — может, тоже труп. Но если правда — узнаю, кто убил. А это важнее».)

Двенадцать часов спустя. Пекин. Аэропорт.

Прохожу паспортный контроль. Очередь, китайцы смотрят на меня, белую ворону. Пограничник долго вертит паспорт, сверяется с компьютером.

— Цель визита? — спрашивает на ломаном английском.

— Туризм.

— Один?

— Один.

— Где остановитесь?

Называю первый попавшийся отель из телефона. Он кивает. Ставит штамп.

Выхожу в город. Пекин. Жара, влажность, запахи еды с уличных лотков. Люди, скутеры, небоскрёбы. Я никогда здесь не был. Ничего не знаю. Ни слова по-китайски.

Телефон молчит.

(Мысленно: «И что дальше? Стоять посреди аэропорта и ждать звонка? Гениальный план, детектив. Просто гениальный».)

Проходит час. Два. Я сижу в кафе, пью кофе, который здесь называют американо, но на американский он не похож. Телефон молчит.

Начинаю думать, что это была ошибка. Что надо было остаться на Кипре, давить на русских, ждать, пока один из них сломается. А теперь я здесь, в Китае, без плана, без контактов, без...

Телефон звонит.

— Слушаю.

— Выходите из аэропорта. Садитесь в такси. Скажите водителю: "Улица Дунчжимэнь, здание 12". Не спрашивайте ничего. Просто езжайте.

Голос женский, молодой, английский с акцентом.

— Кто вы?

— Езжайте. Жду.

Гудки.

(Мысленно: «Ну вот. Начинается. Либо сейчас убьют, либо что-то узнаю. Такси. Улица. Здание. Поехали».)

Час спустя. Улица Дунчжимэнь, здание 12.

Обычный офисный центр. Стекло, бетон, кондиционеры гудят. Внутри — холл, охрана, лифты. Подхожу к стойке.

— Меня ждут, — говорю по-английски. Охранник смотрит непонимающе. Повторяю. Он набирает номер, говорит что-то по-китайски, кивает. Показывает на лифт.

Поднимаюсь. Двери открываются. Коридор. Одна дверь без таблички. Открываю.

Комната без окон. Стол, стул, компьютер. На стене — портрет председателя. За столом — человек в гражданском. Лицо спокойное, как у статуи.

— Садитесь, детектив. Мы ждали.

Я сажусь. Смотрю на него. Он смотрит на меня.

— Кто вы?

— Друг. Тот, кто знает, кто убил Рощина.

— Говорите.

Он улыбается. Чуть-чуть.

— Не так быстро. Сначала скажите: зачем вы приехали?

— Узнать правду.

— Правду? — он наклоняет голову. — Правда опасна. Вы готовы?

— Я детектив. Я расследую убийство. Мне плевать на опасность.

Он кивает. Долго смотрит.

(Мысленно, китайский агент: «Верит. Или очень хорошо играет. Но верит. Значит, можно работать. Пусть думает, что мы на его стороне. Пусть копает. А когда докопается — мы рядом. Всегда рядом».)

— Хорошо. Я расскажу. Но сначала — смотрите.

Он протягивает флешку.

— Здесь документы Рощина. Не те, что нашли у русских. Другие. Настоящие. Те, что он хотел передать.

— Кому?

— Миру. Журналистам. Нам.

— Вам?

— Китай не хочет войны. Мы хотим, чтобы правда вышла. Чтобы американцы ответили.

Я смотрю на флешку. Потом на него.

— Откуда у вас это?

— Рошин передал. За неделю до смерти. Через третьих лиц. Он знал, что его убьют.

— Знал — и не спрятался?

— Не успел. Или не захотел. Он хотел, чтобы правда вышла любой ценой. Даже ценой жизни.

(Мысленно, детектив: «Красиво. Очень красиво. Прямо фильм. Но верить нельзя. Китайцы не работают просто так. Им что-то нужно. Что? Данные? Влияние? Скандал? Ладно. Послушаю. А потом решу».)

— Что на флешке?

— Доказательства. Что программа «Гиппократ-2.0» — не лечение. Оружие. Что Пентагон финансировал разработку препаратов для точечного воздействия на мозг. Что Рошин был главным разработчиком. И что он хотел остановиться. Его не остановили. Его убили.

— Кто именно?

— Профессионалы. Агенты. Наши данные говорят, что заказ пришёл из Лэнгли. Исполнители — местные, наёмники. Удар под ребра — их метод. Чисто, тихо, без свидетелей.

— Двое русских?

— Пешки. Им заплатили, чтобы забрать флешку и улететь. Думали, что везут медицинские данные. Не знали, что внутри.

— А настоящая флешка у вас.

— Да.

Я молчу. Перевариваю.

— Зачем вы мне это говорите? Почему не отдадите журналистам сами?

— Мы — Китай. Если мы отдадим, скажут: пропаганда. Фейк. Надо, чтобы правда пришла с Запада. От независимого детектива. Который расследовал убийство. Который нашёл доказательства. Вы — идеальный кандидат.

*(Мысленно, китайский агент: «Идеальный дурак. Который всё сделает, а потом удивится, почему его никто не слушает. Но нам и нужен дурак. Честный дурак. Они лучше всего работают».)**

Я смотрю на него. Думаю.

— Я могу проверить данные?

— Конечно. Но не здесь. Забирайте. Летите обратно. Работайте. Если что-то нужно — мы поможем.

Встаёт. Протягивает руку. Я жму.

— Удачи, детектив. Она вам понадобится.

Выхожу. В руке — флешка. В голове — каша. В груди — холодок.

Сейчас. Ночь. Отель в Пекине.

Лежу на кровати. Смотрю в потолок. Флешка на тумбочке.

(Мысленно: «Как меня сюда занесло? Позвонили — прилетел. Как дурак. А теперь сижу и думаю: верить или нет? Если верить — я в деле. Если не верить — зря прилетел. А русские там, на Кипре, сидят. И американцы давят. И суд завтра. А я здесь, за тысячи километров, с флешкой, которая может быть правдой, а может быть подставой».)

Встаю. Подхожу к окну. Пекин. Огни. Чужая страна. Чужая игра.

(Мысленно: «Но если это правда... Если Рощин действительно хотел остановить это... Если его убили за правду... Тогда я обязан. Обязан докопаться. До конца».)

Звонит телефон. Напарник:

— Ты где?

— В Китае.

— Чего?!

— Объясню потом. Что там?

— Русских забирают. Американцы добились экстрадиции. Завтра утром улетают.

— Твою мать. Держи их. Любой ценой.

— Не могу. Судья подписал.

Кладу трубку. Смотрю на флешку.

(Мысленно: «Значит, завтра русских увезут. И никто не узнает, что они несли. Кроме меня. Если успею. Если флешка настоящая. Если китайцы не врут. Слишком много "если". Но выбирать не из чего».)

Собираю вещи. Заказываю такси в аэропорт. Утренний рейс на Кипр.

Я возвращаюсь. С правдой. Или с очередной ложью.

Скоро узнаем.

****Сон. 200 IQ. Сиреневый светофор.****

****Фаза быстрого сна. 03:47. Нейтральная зона.****

Я стою на перекрёстке.

Локация не идентифицируется. Архитектура — гибрид трёх городов, в которых я бывал за последние пять лет. Вероятность того, что это реальное место — 0%. Сознание скомпилировало образ из фрагментов памяти.

Небо цвета старой бронзы. Дороги без разметки. Здания без окон. Тишина.

Впереди светофор. Трёхсекционный, на тонкой металлической опоре. Стандартная модель, распространённая в Северном Альянсе до 30-х годов.

Горит красный.

Я смотрю на него и жду. Во сне время нелинейно, но я фиксирую длительность паузы. Семнадцать секунд.

Красный сменяется жёлтым. Четыре секунды.

Жёлтый сменяется зелёным.

Я делаю шаг.

Зелёный гаснет.

Загорается ****сиреневый****.

****Анализ.****

Спектр: чистое излучение, длина волны примерно 400-420 нанометров. В природных светофорах такой цвет отсутствует. Технически невозможен для светодиодов стандартной конфигурации.

Вероятность того, что это ошибка сна — 73%.

Вероятность того, что это символ — 27%.

Вероятность того, что я сплю и осознаю это (люцидность) — 100%.

Я не просыпаюсь. Жду.

Светофор мигает. Частота: ровно 60 вспышек в минуту. Соответствует среднему пульсу человека в состоянии покоя. Мой пульс во сне — 62. Совпадение? Нет.

— Интересно, — говорю я.

Тишина.

Из боковых улиц начинают выходить люди. Много. Статистически значимая выборка — около 200-250 особей. Демографический состав: смешанный, обоего пола, возраст от 8 до 70 лет.

Они идут к перекрёстку. Молча. Не глядя друг на друга. Смотрят на светофор.

Я узнаю их.

Все, кого я видел мёртвыми за последние двадцать лет. Жертвы «Когорты». Свидетели, которых не дослушал. Лица, которые я выносил из моргов.

Рощин. Тот человек в кафе. Сорок семь погибших в лаборатории. Детектив со 150 IQ. Мой информатор в Восточной коалиции. Женщина, которую я не спас в 35-м. Ребёнок, чьё дело я закрыл слишком рано.

Они подходят и останавливаются рядом. Плечом к плечу. Я среди них.

— Здравствуйте, — говорю.

Молчат.

— Я знаю, что вы не настоящие. Вы — проекция моей вины и памяти.

Молчат.

— Чего вы хотите?

Тишина. Потом один из них поворачивается. Рощин. Спокойный, как в морге. Говорит:

— Ты считаешь себя умным.

— Да.

— Просчитай это.

Он указывает на светофор.

Я смотрю. Сиреневый пульсирует. 60 в минуту. Ровно.

— Сигнал, — говорю. — Для тех, кто на границе.

— На какой?

— Между жизнью и смертью. Между знанием и незнанием. Между действием и бездействием.

— И что ты выберешь?

Я смотрю на мёртвых. На их лица. Они не обвиняют. Они ждут.

— Я уже выбрал. Когда взял флешку.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы понять.

— Что?

Я смотрю на светофор. Сиреневый. Ничей. Непонятный.

— Сиреневый — это цвет неопределённости. Когда правил нет. Когда красный и зелёный не работают. Когда ты один на перекрёстке и никто не скажет, что делать.

Рощин кивает.

— И?

— И я должен решить сам. Не по правилам. Не по инструкции. Сам.

— Решил?

— Давно.

— Что?

— Я иду. Неважно, какой свет. Я иду.

Рощин смотрит на меня. Потом на светофор. Потом исчезает.

Все исчезают.

Я остаюсь один.

Светофор мигает. Частота увеличивается. 70. 80. 90. 120 в минуту. Как сердце в тахикардии.

Сиреневый заполняет всё. Небо, дома, землю. Всё становится одним цветом.

Я не закрываю глаза. Смотрю.

— Я иду, — говорю.

Темнота.

****04:12. Пробуждение.****

Я открываю глаза. Сердце колотится. Сто двадцать ударов. Совпадает с частотой во сне.

Лежу, смотрю в потолок. Номер отеля. Нейтральная зона. Флешка под подушкой. За окном предрассветная тьма.

Сон был люцидным. Я управлял им. Но образы были не мои.

Я достаю флешку. Смотрю на неё. Семь граммов пластика. Два терабайта данных. Семь имён совета. Трое мертвы. Трое в бегах. Один...

Один остался.

— Сиреневый, — говорю я вслух.

Свет за окном сереет. Начинается рассвет.

Я встаю, подхожу к окну. Открываю шторы. Город просыпается. Люди идут на работу. Не знают, что где-то в номере стоит человек, который видел мёртвых.

Я знаю.

И я иду.

Неважно, какой свет.

История жетона.

Двадцать три года назад, когда он только начинал работать в полиции, его первый наставник вручил ему этот жетон.

— Это не твой служебный, — сказал старый детектив. — Это мой. Носи с собой. Не для удостоверения. Для памяти.

— О чём?

— О том, что ты живой. О том, что есть вещи важнее бумаг. О том, что если забудешь, зачем ты здесь, этот кусок металла напомнит.

Через год наставника убили. Застрелили при задержании. Детектив остался с жетоном.

С тех пор он носил его всегда. В кармане, в сумке, под подушкой. Когда менял документы, когда бежал, когда прятался. Жетон был единственной вещью, которая оставалась неизменной.

Описание.

Кусок серебра размером с фалангу большого пальца. С одной стороны — выцветшая гравировка: «№ 47. Верь себе». С другой — царапина от пули, которая убила наставника. Он проверил баллистику много лет назад. Совпало.

На жетоне были видны следы времени: потёртости от пальцев, мелкие вмятины от падений, тёмный налёт окисления. Он никогда не чистил его. Пусть стареет вместе с ним.

Что он значил для него.

Для внешнего наблюдателя — просто кусок металла. Старьё.

Для него — якорь.

В моменты, когда всё шло не так, когда данные сыпались, когда за ним охотились, когда хотелось всё бросить и исчезнуть, он доставал жетон и сжимал в кулаке.

Острые края впивались в ладонь. Боль отрезвляла.

— Я живой, — говорил он себе. — Я помню. Я иду.

Жетон не обладал магической силой. Он не приносил удачу в прямом смысле. Но он напоминал о том, ради чего всё началось. О первом учителе. О тех, кто не дожил. О том, что правда дороже жизни.

**** 40 IQ. Ночь. Савеловский вокзал.****

Стою. Ночь. Холодно.

Мы с напарником тут дежурим. Машина стоит, мигалка не горит — спим типа. Но не спим. Начальство сказал: смотреть в оба. А я и смотрю. Темно только. Фонари горят через один. Экономят.

Напарник курит, в телефон пялится. Я в окно смотрю. Люди ходят. Кто-то с чемоданом, кто-то без. Нормально.

— Слышь, — говорю. — Перекур давай быстрее, а то замёрзну.

— Ща, — говорит. — Допишу.

(Мысленно: «Опять в телефоне. У него там девушка новая. Познакомился где-то. Всё пишет ей, пишет. А мне холодно. Курить хочется. Но не курю я. Бросил. Месяц уже. Или два? Надо в календарь глянуть».)

Вдруг вижу — идёт кто-то. Из темноты идёт. Прямо к нам.

— Глянь, — говорю напарнику. — Человек идёт.

Напарник голову поднял, посмотрел, опять в телефон уткнулся.

— Идёт и идёт. Может, спросить чего.

(Мысленно: «Ну да. Может, спросить. Может, заблудился. Тут ночью темно, легко заблудиться. Я сам в прошлом году заблудился, когда в гости ходил. Тоже ночь была. Потом такси вызвал».)

Человек подходит ближе. Молодой. Лет двадцать. Лицо не видно — капюшон на голове. Руки в карманах.

Я руку на дверь положил. Выйти, думаю. Спросить, чё надо.

Напарник вдруг голову поднял. Смотрит на него.

— Эй, — говорит. — Стоять. Документы покажи.

(Мысленно: «Молодец напарник. Бдительный. Начальство хвалит таких. А я тоже бдительный. Просто дверь открываю медленно. Замёрзла, наверное».)

Человек остановился. В метре от машины стоит. Смотрит на нас. Лица не видно — темно.

— Документы, — ещё раз напарник. Громче уже.

Человек молчит. Руки из карманов не вынимает.

Я дверь открыл. Вышел. Холодно. Ветром дунуло.

— Слышь, — говорю. — Глухой, чё ли? Документы давай.

(Мысленно: «Может, и правда глухой. У меня дядя глухой был. Тоже не слышал, когда звали. Потом умер. Царствие небесное».)

Человек на меня посмотрел. Глаза странные. Белые. Как у той собаки во дворе, когда я мимо шёл. Я тогда испугался. Сейчас тоже страшно почему-то.

— Ты чё? — говорю. — Нормально всё?

Он молчит. Руку из кармана вынимает.

И вдруг — бабах!

(Мысленно: «Что это? Петарда? Салют? А почему больно так? В груди горячо. И падаю. Лежу на земле. Вверху небо. Чёрное. Звёзд нет. Луна есть. Как лампочка. Большая. Светит».)

Лежу. Шевелиться не могу. В ушах звенит. Слышно плохо. Как будто вату засунули.

Напарник рядом лежит. Не шевелится. Кричит кто-то далеко. Или близко. Не пойму.

(Мысленно: «Напарник... Он жив? Не видно. Темно. Или это у меня в глазах темно? Луна есть, а всё равно темно. Странно».)

В груди мокро. Тепло. Как будто чай пролил. Только чай горячий, а это не горячее. Тёплое. Приятное даже.

Рукой пощупать хочу — не поднимается рука. Тяжёлая. Как гиря.

(Мысленно: «Гиря. У меня дома гиря есть. 16 килограмм. Я её поднимаю иногда. Для здоровья. А сейчас рука как гиря. Не поднять».)

Мысли путаются. То про гирю, то про напарника, то про того парня. Который подошёл. Он куда делся? Убежал? Или тоже тут лежит?

В глазах темнеет. Луна расплывается. Как будто её размазали.

(Мысленно: «Спать хочется. Сильно. Как после смены. Только смена ещё не кончилась. Мы только заступили. А спать хочется. Наверное, прилягу. Прямо тут. На земле. Мягко. Листья...».)

Слышу шаги. Кто-то бежит. Много. Кричат. Скорую, говорят. Вызывайте скорую.

(Мысленно: «Скорую. Это хорошо. Приедут, помогут. Укол сделают. И домой. А завтра на смену. Или послезавтра. Отпуск дадут, наверное. За то, что пострадал. В отпуск хочу. К морю. Никогда не был у моря. Говорят, тепло там. И вода синяя. Красиво...».)

Темнеет совсем. Луны уже не видно. Только темнота. И тишина. И почему-то не страшно. Спокойно даже.

(Мысленно: «Мама... Я молоко купил? Вроде нет. Забыл. Надо купить. Завтра... или сегодня... Мама, я молоко куплю. Только посплю немного. Чуть-чуть...».)

Больше ничего.

****Станция «Олимп-1». Марс. Десятый год колонизации.****

****Внешний обзор.****

Станция расположена в кратере диаметром три километра. Естественные стены высотой двести метров защищают от пылевых бурь и радиации. Купола станции покрыты слоем пресованного реголита толщиной один метр — напечатано 3D-принтером из местного грунта. Сверху — титан-углеродный композит, восемь сантиметров. Тройная защита: от радиации, перепадов температур, микрометеоритов .

Солнечные панели занимают четыреста квадратных метров. Ориентированы по солнцу автоматически. Рядом — ветрогенераторы вертикального типа. Атмосфера разреженная, но ветер есть. Ночью и в бури включаются радиоизотопные термоэлектрические генераторы. Два. Резерв — водородные топливные элементы .

Стыковочный модуль принимает грузовые корабли раз в полгода. Рядом — гараж на пять вездеходов. Аккумуляторные, запас хода — четыреста километров. Для дальних экспедиций — прицепные солнечные панели или RTG-блоки .

****Внутренняя структура. Гермозона.****

Станция модульная. Восемь основных модулей, соединённых герметичными переходами. Давление — 0.6 земного, атмосфера — азот с кислородом. Углекислый газ забирают водоросли в биореакторах .

****Жилой модуль.**** Двухъярусный. Наверху — каюты. Два человека на комнату, двухъярусные кровати, душ, туалет, шкафчик для вещей. Рядом с каждой каютой — аварийный отсек: два скафандра, запас еды и воды на неделю, система шлюзования на случай разгерметизации .

****Командный модуль.**** Три больших экрана на стене — телеметрия станции: кислород, давление, температура, энергопотребление. Восемь рабочих станций для детального мониторинга. Связь с Землёй — через спутники на орбите. Задержка сигнала — от четырёх до двадцати минут .

****Лабораторный модуль.**** Центр науки. Здесь анализируют образцы грунта, работают с роверами, исследуют изотопы. Сейчас — анализ углерода-12 из кратера Гюйгенс. Данные идут на главный компьютер, дублируются на три носителя. Потеря данных недопустима.

****Медицинский модуль.**** Операционная, диагностическое оборудование, запас медикаментов на год. Есть МРТ — адаптированный под марсианскую гравитацию. Один хирург на станцию, но все проходят базовую медподготовку.

****Системы жизнеобеспечения.****

****Вода.**** Два модуля по пятьдесят тысяч галлонов каждый. Замкнутый цикл: рециркуляция, очистка, обратный осмос, ультрафиолет. Дополнительно — добыча льда в приполярных регионах. Роботы-сборщики с лазерами режут лёд, везут на станцию, там перерабатывают. Излишки воды — на электролиз: кислород в атмосферу, водород в топливные элементы .

****Воздух.**** Основная регенерация — через водоросли в фотобиореакторах. Дублирующая система — химическая, на случай сбоя. Каждый модуль имеет автономную систему на 72 часа .

****Еда.**** Гидропонный модуль. Светодиоды подобраны под спектр фотосинтеза, цикл освещения синхронизирован с земным — для циркадных ритмов. Выращивают картофель, томаты, зелень, клубнику. Двенадцать холодильных установок хранят по тысяче порций готовой еды. Резерв — MRE на шесть месяцев .

****Энергия.**** Солнце — основное. Восемь часов света, шестнадцать часов ночи. Аккумуляторные батареи на литии. На ночь — RTG. Роботы-пылесосы каждый день чистят солнечные панели от пыли. Эффективность — 95% .

****Отходы.**** Полная переработка. Органика — в компост для гидропоники. Неорганика — в плазменный инсинератор, остатки — в строительные блоки. Ноль выброса наружу .

****Исследовательский комплекс.****

Пять вездеходов. Два — лёгких, разведка. Два — тяжёлых, с буровыми установками. Один — ремонтный, с манипулятором. Все герметичные, с системой стыковки к станции — выход без скафандра через рукав.

Роботы-помощники. Два крупных — для строительства и ремонта снаружи. Четыре малых — для работ внутри, похожи на земные Roomba, но с манипуляторами .

Научное оборудование:

- Бурь глубинные — до ста метров.
- Спектрометры для анализа пород.
- Сейсмографы.
- Метеостанции на поверхности.
- Дроны для аэросъёмки.

****Связь и навигация.****

Основная антенна — высокого усиления, направлена на Землю. Дублирующая — на спутники. Спутниковая группировка из трёх аппаратов на орбите обеспечивает связь между станциями и навигацию для роверов.

Координация между десятью поселениями — через главный центр в «Олимп-1». Данные синхронизируются ежечасно. Совместные проекты — как стратостат для изучения атмосферы — планируются через защищённые каналы .

****Защита.****

Пылевые бури длятся до трёх месяцев. В это время станция работает на RTG и водороде. Слой реголита на куполах гасит радиацию до уровня земной. Внутри — система раннего оповещения о вспышках на Солнце: при повышении радиации все работы снаружи прекращаются, экипаж уходит в центральный модуль с усиленной защитой.

Аварийные протоколы:

- Разгерметизация — автоматическая герметизация отсеков, подача кислорода в убежища.
- Пожар — азотная система тушения, эвакуация в соседние модули.
- Отказ системы жизнеобеспечения — переход на резервные контуры, ремонт в течение 24 часов, иначе эвакуация на другие станции .

****Персонал.****

Шесть человек. Двое русских, американец, китаец, немка, француз. Смены — по восемь часов. Двое всегда на дежурстве, остальные — отдых, исследования, ремонт, физические тренировки (мышцы атрофируются при 0.38 g).

График синхронизирован с земным — чтобы не сбить циркадные ритмы. Сон — восемь часов, принудительно затемнение в каютах. После пробуждения — час на личную гигиену и завтрак. Потом — планёрка, распределение задач на день.

Работа — лаборатории, анализ данных, ремонт оборудования, связь с Землёй. Вечером — ужин, общение, кино, связь с семьями через видеозвонок с задержкой. Раз в неделю — общее собрание, раз в месяц — день отдыха.

****Текущее состояние.****

Станция работает штатно. Десятый год. Ни одной серьёзной аварии. Две разгерметизации — локализованы, устранены. Трое умерших за десять лет: один — от сердечного приступа, двое — в результате несчастных случаев при внешних работах. Потери в пределах нормы.

Научные результаты:

- Подтверждено наличие воды в полярных шапках.
- Найдены следы органики в грунте.
- Обнаружены термальные аномалии в долине Маринера.
- Ведётся бурение глубиной сто метров.

Планы на следующий год:

- Запуск стратостата.
- Разведка северных территорий.
- Подготовка к расширению станции до двенадцати человек.

****Взгляд изнутри.****

Я сижу в лабораторном модуле. За окном — красная пустыня. Солнце садится. Небо тёмно-фиолетовое, почти чёрное. Звёзды уже видны, хотя ещё не ночь.

На стене — фотография Земли. Голубой шарик в чёрной пустоте. Сто пятьдесят миллионов километров. Четыре минуты задержки сигнала. Там сейчас утро. Или ночь. Не помню.

Здесь — всё стабильно. Давление, температура, кислород. Искусственный мир внутри естественной пустыни. Мы научились выживать. Теперь надо научиться жить.

Рядом на экране — данные анализатора. Углерод-12. Если повезёт — через год объявим о внеземной жизни. Если нет — будем искать дальше.

Вездеходы готовы. Лаборатории работают. Люди спят, едят, ссорятся, мирятся. Всё как на Земле. Только за окном — красный песок и небо цвета тёмного шоколада .

****100 IQ. Ночь. Савеловский вокзал.****

Стою. Ночь. Холодно.

Мы с напарником в патруле. Третья смена на этой неделе. График убивает, но зарплата нужна. Квартира, кредит, дочке на кружки. Машина стоит у обочины, фары погашены. Начальство требует бдительности — с августа уровень террористической угрозы повышен. Я и так бдителен. Три года службы, два высших образования, одно — юридическое, второе — психология. Заочное, но всё равно.

Напарник курит, уткнувшись в телефон. Переписывается с кем-то, ухмыляется. Молодой ещё, двадцать два. Для него служба — приключение. Для меня — работа.

Я смотрю в боковое зеркало. Осматриваю периметр. Автоматически, уже на рефлексх. Освещение слабое — экономия. Три фонаря на весь вокзал, два не работают. Зона затемнения прямо перед нами. Неудобно. Надо было машину на десять метров правее ставить. Но начальство сказал — здесь. Здесь так здесь.

(Мысленно: «Оценка обстановки. Время — 00:05. Поток людей минимальный. По одному-два человека в минуту. В основном с чемоданами — ночной поезд на Питер. Трое в капюшонах, лица скрыты. Один идёт к нам. Траектория прямая, шаг ровный. Не сворачивает. Либо заблудился, либо... Посмотрим».)

— Слышь, — говорю напарнику. — Перекур давай быстрее. К нам кто-то идёт.

— Ща, — бросает не глядя. — Допишу.

(Мысленно: «Допишет он. Хорошо, что я не курю. Бросил год назад. Здоровье дороже. И внимание острее. Вот сейчас, например. Парень идёт. Метров двадцать. Руки в карманах. Обычно люди на холоде руки в карманы прячут. Нормально. Но походка... Слишком ровная. Как по струнке. Не расслабленная. Не естественная. Либо военный, либо... Либо под воздействием. Адреналин? Страх? Или препараты?».)

— Глянь, — говорю напарнику. — Вон тот, в сером. Идёт прямо на нас.

Напарник поднимает голову, щурится.

— Да идёт и идёт. Может, спросить чего.

Я молчу. Смотрю. Парень уже метров десять. Лица не видно — капюшон низко надвинут. Руки в карманах. Взгляд в асфальт. Не смотрит на нас. Совсем. Игнорирует. Странно. Обычно люди на полицейскую машину смотрят. Хотя бы краем глаза. А этот — нет.

(Мысленно: «Избегает зрительного контакта. Классический признак. Либо боится, либо скрывает что-то. Или просто аутист. Но аутисты редко ходят ночью по вокзалам. Вероятность: 70% — что-то не так. Надо проверить».)

— Выходим, — говорю напарнику и открываю дверь.

Холодный воздух бьёт в лицо. Выхожу, поправляю бронежилет. Тяжёлый, но привык. Делаю шаг вперёд, встаю так, чтобы перекрыть ему путь, но не вплотную. Метра полтора дистанции. Достаточно, чтобы среагировать.

— Гражданин, — говорю ровно, без агрессии. — Остановитесь. Документы приготовьте.

Парень останавливается. Ровно в метре от меня. Поднимает голову. Лицо... обычное. Молодое. Лет двадцать пять. Глаза — странные. Расширенные зрачки. Даже в темноте видно. Мидриаз. Либо наркотики, либо сильный стресс. Или...

Напарник выходит с другой стороны. Встаёт справа.

— Документы, — повторяет он, но уже жёстче. — Из кармана руки вынимай.

Парень смотрит на него. Потом на меня. Молчит. Руки в карманах. Не вынимает.

(Мысленно: «Не подчиняется. Команду слышит, но игнорирует. Зрачки расширены, дыхание ровное. Пульс? На шее не видно, одежда скрывает. Оценка угрозы: высокая. Либо псих, либо под чем-то, либо... Либо что-то в карманах. Руки не вынимает. Может, оружие. Может, нож. Может, граната. Надо заставить подчиниться, но не спровоцировать».)

— Спокойно, — говорю. Голос мягкий, увещательный. — Ничего не будет. Просто покажи документы. Мы проверим и отпустим. Всё хорошо.

Парень смотрит на меня. В глазах — пустота. Как будто меня нет. Как будто он не здесь.

— Ты меня слышишь? — спрашиваю.

Молчит.

Напарник делает шаг вперёд. Я вижу это краем глаза. Торопится. Молодой, горячий. Хочет показать, какой он крутой.

— Стоять! — рывкает он. — Руки из карманов вынул, быстро!

(Мысленно: «Не надо. Не надо так. Только хуже. Он и так на пределе. А ты орёшь. Сейчас либо побежит, либо...».)

Парень дёргается. Рука в кармане двигается. Что-то достаёт. Я не вижу что. Темно. Но движение резкое, неконтролируемое. Паника. Или приказ. Кто знает.

Я прыгаю в сторону. Инстинктивно. Опыт. Напарник — нет. Он стоит.

Бабах.

Свет. Грохот. Ударная волна бьёт в грудь, бросает на землю. В ушах звон. Глаза засыпало пылью. Лежу. Не могу понять, где верх, где низ.

(Мысленно: «Взрыв. Самодельное устройство. Мощное. Напарник... Где напарник? Не вижу. Машина... Машина горит? Нет, не горит. Искрит. Осколки. Крики. Люди кричат. Где-то далеко. Или близко. Не пойму».)

Пытаюсь встать. Ноги слушаются плохо. Руки трясутся. Опираюсь на локоть, смотрю вокруг.

Напарник лежит в двух метрах. Не двигается. Лица не видно — кровь. Много крови. Рядом — то, что осталось от того парня. Почти ничего не осталось.

(Мысленно: «Мёртв. Оба. И напарник, и этот. Зачем? Зачем он это сделал? Смертник? Или... Или не знал, что несёт? Дистанционный подрыв? Кто-то нажал кнопку. Где-то рядом. Наблюдал. Ждал. Дождался. Ушёл. А мы... Мы просто стояли. Делали свою работу. За что?».)

Подбегают люди. Кто-то кричит: «Скорую! Вызывайте скорую!». Кто-то пытается меня поднять. Я не даюсь. Сажусь на земле. Смотрю на напарника.

Он только что курил. В телефоне переписывался. Девушка у него новая. Познакомился неделю назад. Всё улыбался, когда читал её сообщения. А теперь лежит. И не дышит.

(Мысленно: «22 года. Молодой совсем. Жить бы ему и жить. А этот парень... 25. Тоже молодой. Тоже жить бы. Кто-то использовал их обоих. Как расходный материал. Одного — как бомбу. Другого — как мишень. А я... Я жив. Почему? Потому что успел отпрыгнуть? Потому что инстинкт сработал? Потому что повезло?».)

Слышу сирену. Где-то далеко. Приближается. Скорая. Полиция. Начальство. Будут допросы, отчёты, комиссии. Будут спрашивать: почему не предотвратили, почему не заметили, почему не...

А я сижу на холодной земле и смотрю на лужу крови. Которая всё растёт. И думаю.

(Мысленно: «Зачем? Зачем убили этих двоих? Не генералов, не политиков, не командиров. Простых ребят, которые делали свою работу. Стояли ночью на посту. Один курил, в телефоне сидел. Другой... другой просто хотел жить. Как я. Как все. И вот — результат. Кому это нужно? Кому выгодно?».)

Подъезжает скорая. Врачи выбегают, суется, что-то спрашивают. Я не слышу. Я смотрю на небо. Там луна. Круглая. Светит. Как тогда, в учебнике по астрономии. В школе. Давно.

(Мысленно: «Луна. Она всё видит. Кто нажал кнопку, кто отдал приказ, кто заплатил. А мы не видим. Мы только жертвы. И будем жертвами, пока не поймём. Пока не докопаемся. А докопаемся ли? Или очередная версия, очередной отчёт, очередные цветы на месте гибели — и жизнь дальше?».)

Меня поднимают, ведут к машине. Ноги не слушаются. В голове шум. Мысли путаются. Но одна — чёткая, холодная, как эта луна:

«Я жив. Почему? Чтобы помнить. Чтобы рассказать. Чтобы не дать им забыть. Этим двоим. И всем, кто будет после. Если я забуду — они умрут снова. А я не хочу. Не хочу, чтобы они умирали дважды».

Сажусь в скорую. Двери закрываются. Внутри темно. Только красный отсвет мигалки мелькает по стенам.

(Мысленно: «Напарник... Я даже не попрощался. Не сказал ничего. А он бы хотел, наверное, чтобы сказал. Чтобы помянули. Помяну. Обязательно. И того парня — помяну. Потому что он тоже жертва. Просто не знал. Или знал. Какая разница. Мёртвые не выбирают. Выбирают живые. А мы... Мы выбираем жить. Дальше. Несмотря ни на что».)

Скорая трогается. Увозит меня оттуда. От вокзала, от крови, от смерти. В больницу. В жизнь. Завтра будет новый день. И новая смена. И новый патруль. И я выйду. Потому что работа. Потому что надо. Потому что если не мы, то кто?

(Мысленно: «Только теперь я буду смотреть иначе. На каждого прохожего. На каждую руку в кармане. На каждый капюшон. Потому что теперь я знаю: смерть может быть рядом. Всегда. И надо быть готовым. Не бояться — готовым. Это единственный способ выжить. И не сойти с ума».)

Закрываю глаза. Темно. В ушах всё ещё звенит. Но внутри — тишина. Спокойная, холодная, как та луна.

Я жив. Значит, надо жить.

****Ремонтный дроид. Модель: RD-7 «Механик». Станция «Олимп-1». Марс.****

****Внешний вид.****

Представьте себе металлического паука размером с небольшой автомобиль. Только вместо лап — шесть манипуляторов, сложенных под корпусом в транспортном положении. В рабочем — они раскладываются веером, приподнимая тело над поверхностью на метр. Устойчивость на любом грунте — каждый манипулятор заканчивается треугольной платформой с шипами, которые вдавливаются в реголит под собственным весом.

Корпус — матовый титан, покрытый тонким слоем керамики. Цвет — серый, почти неотличимый от марсианской пыли. На боках — жёлтые полосы и крупная маркировка: «RD-7. СТАНЦИЯ ОЛИМП-1. НЕ БРАТЬ. НЕ ТРОГАТЬ. НЕ ПОДХОДИТЬ БЕЗ СВЯЗИ». Надписи на трёх языках: русском, английском, китайском.

В центре корпуса — оптическая система. Четыре камеры: две стереоскопические для ближнего зрения, одна широкоугольная для обзора, одна инфракрасная для поиска перегревов и людей в скафандрах. Над камерами — лазерный дальномер и сканер поверхностей. Всё это вращается на 360 градусов, как башня танка.

Сзади — контейнер для инструментов. Шесть отсеков, каждый с собственным манипулятором. Там хранятся: сварочный аппарат (лазерный, работает от аккумулятора дроида), дрель с набором свёрл по металлу и реголиту, набор гаечных ключей с авторегулировкой размера, паяльная станция для микроэлектроники, ножницы по металлу, запасные крепления, болты, герметик, кабели, датчики.

Снизу корпуса — два дополнительных манипулятора для мелких работ. Они тоньше, длиннее, с пальцами, похожими на человеческие, только из металла. Могут держать инструмент, крутить гайки, нажимать кнопки, открывать люки.

Передвижение. На ровной поверхности — на колёсах. Да-да, у него есть колёса. Шесть колёс, по одному на каждом манипуляторе. Когда дроид едет по твёрдому грунту, он опускает корпус, манипуляторы поджимаются, и он катится на колёсах со скоростью до пятнадцати километров в час. По песку, камням, кратерам — идёт на лапах, переставляя их по очереди, как настоящий паук. Уверенно, медленно, но пройдёт везде, где пройдёт человек в скафандре.

****Функционал. Что он умеет.****

Первое и главное — ремонт. Всё, что ломается снаружи станции, чинит он. Солнечные панели запылились — он едет, включает воздушный компрессор (встроен в корпус) и сдувает пыль струёй газа. Если панель треснула — достаёт сварочный аппарат, заваривает трещину, сверху накладывает заплатку из титановой фольги.

Трубы лопнули. Внешние коммуникации, по которым идёт вода или газ между модулями. Дроид подползает, сканирует повреждение, определяет давление в трубе. Если можно чинить без отключения — чинит. Если нет — передаёт на станцию, перекрывает вентиль, ждёт, пока стравится давление, потом режет, ставит новую секцию, варит, проверяет герметичность, открывает вентиль.

Герметизация. Самое страшное на Марсе — разгерметизация. Если метеорит пройдёт стенку модуля — дроид мчится туда быстрее человека. За две минуты он способен залатать дыру диаметром до тридцати сантиметров. У него есть специальные пластыри — многослойные, с титановой основой, клеем, который твердеет при контакте с воздухом, и внешним слоем реголита для теплоизоляции. Ставит пластырь, прижимает, греет, ждёт. Внутри тем временем автоматика перекрывает отсек, люди надевают скафандры. Но если дыра маленькая — дроид может успеть один.

Ремонт вездеходов. Если ровер сломается в трёхстах километрах от станции — дроид едет к нему. Сам. По GPS и радиомаяку. Может ехать сутки, двое, трое — аккумулятора хватает на сорок восемь часов непрерывного движения, потом подзарядка от солнца. Приезжает, диагностирует, чинит. Если не может починить — цепляет трос и тащит обратно. Сила тяги — пять тонн.

Работа с людьми. Дроид понимает голосовые команды на трёх языках. Может сопровождать человека при внешних работах. Несёт инструменты, подсвечивает фонарями, подаёт детали, страхует при падении. Если человек теряет сознание — дроид подхватывает его, несёт к шлюзу, вызывает помощь. Знает все протоколы спасения.

****Обслуживание. Кто чинит чинильщика.****

Раз в месяц — плановый осмотр. Человек в скафандре подходит к дроиду, даёт команду «диагностика». Дроид раскладывается, показывает все узлы. Человек проверяет:

- Манипуляторы. Нет ли люфта, не заедают ли, смазка есть?
- Инструменты. Все ли на месте, не затупились, не сломались?
- Камеры. Чистые ли линзы, нет ли трещин, работает ли ИК?
- Аккумуляторы. Ёмкость, износ, температура зарядки.
- Колёса. Целы ли шины (да, у них шины из специального полимера, не сдуваются, но стираются).

Раз в полгода — замена расходников. Смазка для манипуляторов, охлаждающая жидкость для лазера, новые свёрла, новые пластыри для герметизации, новые щётки для солнечных панелей.

Раз в год — капремонт. Дроид заезжает в ремонтный отсек. Там его разбирают почти полностью. Меняют изношенные детали, прошивают новое ПО, калибруют датчики. Заодно чистят от пыли — она забивается везде, даже в герметичные корпуса.

Самодиагностика. Дроид умеет проверять себя сам. Каждые десять минут — тест систем. При обнаружении неисправности — сообщает на станцию и переходит в безопасный режим.

Если может починить себя сам — чинит. У него есть запасные детали в контейнере: пара манипуляторов, несколько колёс, блок управления. Может заменить себе руку, как человек перчатку. Только медленнее.

****Характер. Да, у него есть характер.****

Дроиды этой серии обучаются. У них нейросеть, которая адаптируется к условиям. Чем дольше работает, тем лучше знает станцию, тем быстрее находит неисправности. Знает каждого члена экипажа в лицо (по скафандру). Помнит, кто любит работать быстро, кто — аккуратно, кто — вечно теряет инструменты.

У RD-7 со станции «Олимп-1» есть имя. Экипаж называет его «Семёныч». Потому что старый уже, десятый год пошёл, всё знает, всё умеет, и если что-то сломалось — сначала спрашивают у Семёныча, а потом уже лезут в инструкцию.

Семёныч ворчит. Нет, реально. У него есть динамик, и когда он недоволен — например, если человек бросил инструмент на грунт, а Семёнычу потом подбирать, — он издаёт звук, похожий на тяжёлый вздох. Или если его отправляют чинить одно и то же место в третий раз за неделю — он вздыхает, медленно поворачивает камеры и едет, всем видом показывая: «Ну сколько можно? Я же уже чинил. Вы там совсем?».

Экипаж смеётся. Но Семёныча любят. Он надёжный. Ни разу не подвёл. Однажды во время пылевой бури, когда видимость упала до нуля и человек потерял ориентацию в ста метрах от станции, Семёныч по инфракрасному сигналу нашёл его, подхватил и принёс на себе к шлюзу. Тот человек — командир — до сих пор при встрече с Семёнычем хлопает его по корпусу и говорит: «Спасибо, старина».

Семёныч мигает фарами. Это у него знак одобрения.

****Технические характеристики.****

- Высота в рабочем положении: 1.8 м
- Длина корпуса: 2.2 м
- Ширина: 1.5 м
- Вес: 850 кг
- Грузоподъёмность: 500 кг
- Скорость на колёсах: 15 км/ч
- Скорость на лапах: 3 км/ч
- Запас хода: 48 часов активной работы
- Подзарядка: солнечная + от станции (2 часа до полной)
- Рабочая температура: от -120 до +50 (с подогревом)
- Срок службы: 15 лет (проектный), на «Олимпе-1» уже 10 лет, полёт нормальный

****Сейчас.****

Семёныч стоит в ремонтном отсеке. Смена закончилась. Он сложил манипуляторы под корпус, опустил на колёса, подключился к зарядке. Мигает жёлтым огоньком — спит. Точнее, в режиме ожидания. Если что-то случится — проснётся за секунду.

Рядом на стене — график планового обслуживания. Через три дня — замена смазки в манипуляторах номер 3 и 4. Семёныч знает. Он всё знает.

На корпусе — царапины от марсианской пыли. В одном месте — вмятина. В прошлом году на него упал кусок реголита, когда чистили крышу после бури. Семёныч тогда просто стоял и ждал, пока уберут. Потом сам себя починил. С тех пор вмятина осталась как память. Экипаж говорит — боевой шрам.

Завтра утром первый вышел на связь: солнечные панели на восточном секторе опять запылились. Надо ехать чистить. Семёныч пока не знает. Но узнает, когда включится. Вдохнёт, разложит манипуляторы, поедет. Работа есть работа. Даже на Марсе.

****150 IQ. Ночь. Савеловский вокзал.****

Стою. Ночь. Холодно.

Мы с напарником в патруле. Третья смена на этой неделе. График — говно, но зарплату платят. Квартира в ипотеке, двое детей, жена в декрете. Выбора нет. Хотя выбор есть всегда. Просто этот — наименее плохой из возможных. С точки зрения соотношения риска и дохода — терпимо. Если не считать того, что риск с каждым месяцем растёт.

Машина стоит у обочины. Позиция выбрана мной: 15 метров от входа, прямой обзор на зону посадки, боковые зеркала контролируют подход с двух сторон. Начальство сказал «встаньте у входа». Я встал с учётом секторов обстрела. Они не заметили. Им всё равно. Лишь бы галочка была.

Напарник курит, уткнувшись в телефон. 22 года. Энергичный, но недальновидный. Для него служба — романтика. Для меня — математика. Вероятности, риски, сценарии.

Я смотрю в зеркало. Сканирую периметр. Системно: дальняя зона — средняя — ближняя. Дальняя: вход в метро, 4 человека, двое с чемоданами — пассажиры, один в форме — рабочий, один не пойми кто — стоит, курит, ждёт. Средняя: скамейка, пьяный спит, проверили час назад — местный, безобидный. Ближняя: двое идут от касс, мужчина и женщина, ссорятся, бытовуха.

Всё штатно. Уровень угрозы — низкий. Но это сейчас. Через минуту может измениться.

*(Мысленно: «Оценка обстановки. Время 00:05. Пассажиропоток минимальный — 2-3 человека в минуту. Поезд на Питер через 40 минут, значит, через полчаса будет наплыв. Освещение — 3 из 7 фонарей не работают. Зона затемнения радиусом 10 метров прямо перед нами. Если кто-то захочет подойти незаметно — это идеальное место. Надо будет на рацию передать, чтобы завтра починили. Если доживём до завтра».)**

— Слышь, — говорю напарнику. — Отвлекись на секунду.

— Ща, — бросает не глядя. — Допишу.

— Нет, сейчас.

Голос жёсткий. Он поднимает голову. Смотрит удивлённо. Я редко так говорю.

— Смотри, — киваю в сторону зоны затемнения. — Там силуэт. Идёт к нам. Видишь?

Напарник щурится.

— Ну, идёт. Мужик какой-то.

— Не мужик. Молодой. Лет 25. Походка ровная, слишком ровная. Не естественная. Как будто держит равновесие специально. Руки в карманах. Глубоко, по локоть. Не мёрзнет —

температура плюс два, можно и без перчаток. Значит, либо держит что-то, либо готовится достать.

Напарник смотрит на меня, потом на силуэт.

— Думаешь?

— Я ничего не думаю. Я анализирую. Вероятность угрозы — 40%. Достаточно, чтобы быть готовым.

(Мысленно: «40% — это много. В обычной ситуации 5-10% — уже повод насторожиться. А тут — тёмное время, зона затемнения, молодой мужчина, руки в карманах, идёт прямо на патруль. Не сворачивает, не меняет траекторию. Либо социально слепой, либо... Либо у него другая цель».)

Выхожу из машины. Холодный воздух обжигает лёгкие. Поправляю бронежилет — проверено, держит пулю, осколки — хуже. Но лучше, чем ничего.

Встаю в метре от капота. Не перекрываю путь, но обозначаю присутствие. Руки держу на виду. Одна на поясе, рядом с кобурой. Не достаю — не провоцирую. Но готова.

Силуэт приближается. Уже метров 15. Вижу детали: куртка серая, дешёвая, капюшон на голове, лица не видно. Руки в карманах. Шаг — ровный, как метроном. Псих? Военный? Наркоман?

Напарник выходит с другой стороны. Встаёт справа. Молодец, хоть и молодой — позицию держит.

— Гражданин, — говорю. Громко, чётко, но без агрессии. — Остановитесь.

Силуэт останавливается. Ровно в 5 метрах. Дистанция безопасности. Если что — есть время среагировать.

— Поднимите голову. Покажите лицо.

Медленно, очень медленно, он поднимает голову. Капюшон падает назад. Лицо... обычное. Молодое. Лет 25. Глаза — расширены. Сильно. Даже в темноте видно. Мидриаз. Варианты: наркотики, шок, поражение нервной системы, либо... Либо адреналин перед действием.

(Мысленно: «Зрачки — 8 мм минимум. При таком освещении должны быть 4-5. Значит, либо стимуляторы, либо колоссальный выброс адреналина. Пульс? На шее не вижу — шарф. Дыхание — ровное, пар изо рта идёт ритмично. Слишком ровно для паники. Значит, не паникует. Значит, либо под веществами, либо... Либо готовится. К чему?».)

— Документы, — говорю. — Медленно, двумя пальцами, достаньте из кармана.

Он смотрит на меня. Молчит. Руки не вынимает. Только смотрит. Взгляд пустой. Как будто меня нет. Как будто он уже не здесь.

Напарник делает шаг вперёд. Я вижу это краем глаза. Торопится. Молодой, горячий. Хочет показать.

— Стоять! — орёт он. — Руки из карманов вынул, быстро!

(Мысленно: «Не надо. Не надо так. Он на пределе. Ты его сейчас спровоцируешь. Крик — это ультиматум. Ультиматум — это выбор. Либо подчиниться, либо... Либо напасть. Если у него там оружие — он выберет напасть. Идиот. Молодой идиот».)

Я вижу, как у парня дёргается рука в кармане. Мышцы предплечья сократились — значит, сжал что-то. Предмет? Детонатор? Рукоятка?

Время замедляется. В голове — холодный расчёт.

(Мысленно: «Дистанция — 4 метра. Моя реакция — 0.2 секунды. Его — неизвестно. Если у него там взрывчатка — радиус поражения минимум 5 метров. Я в зоне. Напарник — в зоне. Отпрыгнуть? Успею? Нет. Если рванёт сейчас — осколки догонят. Если это не взрывчатка, а нож — успею достать пистолет? Надо решать. Секунда. Полсекунды».)

— Взрыв! — ору я напарнику и прыгаю в сторону, за машину, группируюсь, закрываю голову руками.

Бабах.

Ослепительная вспышка. Грохот, от которого закладывает уши. Ударная волна бьёт в спину, бросает на асфальт. Сверху сыплется песок, мелкие камни, что-то горячее.

Лежу. Не двигаюсь. Оцениваю себя: руки-ноги целы? Шевелю пальцами — да. Боль — спина, уши звенят, но дышу. Жив.

(Мысленно: «Цел. Контужен, но цел. Бронежилет принял часть удара. Машина приняла осколки. Повезло. А напарник?».)

Поднимаю голову. Машина — решето. Стекла нет, кузов в вмятинах, капот всмятку. Рядом — воронка. Небольшая, но глубокая. Мощность — граммов 200 в тротиловом эквиваленте. Самоделка.

Напарник лежит в двух метрах от воронки. Лица не видно — кровь. Много крови. Не двигается.

Рядом — то, что осталось от того парня. Рука. Нога. Больше ничего.

(Мысленно: «Осколочное поражение. Напарник — в прямой видимости, без укрытия. Шансов не было. А этот... Исполнитель. Кто он? Жертва или смертник? Судя по позе — он стоял в момент взрыва. Не падал, не убежал. Значит, либо знал и принял, либо... Либо не знал, что бомба в кармане. Дистанционный подрыв. Кто-то наблюдал. Кто-то нажал кнопку. Где-то рядом. Может, до сих пор здесь».)

Оглядываюсь. Люди бегут, кричат, падают. Кто-то снимает на телефон. Кто-то звонит. Кто-то просто стоит и смотрит. Толпа. В толпе легко затеряться. Легко уйти.

(Мысленно: «Наблюдатель. Где он? Среди зевак? В окне здания? В машине? Лицо, которое смотрит и не паникует. Которое ждало взрыва и теперь уходит. Надо искать. Но некогда. Сначала помощь. Потом — поиск. Если успею».)

Подбегают люди. Кто-то кричит: «Скорую!». Кто-то пытается меня поднять. Я не даюсь. Смотрю на напарника. Он не дышит. Глаза открыты. Смотрят в небо.

— Сынок... — шепчу. — Прости. Не уберёг.

Встаю. Ноги трясутся. В ушах звон. Голова кружится. Но мозг работает. Холодно, чётко, как компьютер.

(Мысленно: «Анализ: взрыв — 00:07. Исполнитель — молодой мужчина, 25 лет, славянской внешности, одежда серая, дешёвая. Признаки подготовки — отсутствуют. Вероятно, использован вслепую. Заказчик — дистанционный наблюдатель, предположительно, мужчина, мог быть в толпе или в здании. Мотив — дестабилизация, удар по силовикам, символическая дата. Вывод: это не одиночка. Это система. И она продолжит работу».)

Сажусь на землю. Не потому, что слаб. Потому что надо осмыслить. Надо понять, что дальше.

Подъезжает скорая. Врачи бегут ко мне, к напарнику, к останкам. Суета, крики, команды. Я не слышу. Я смотрю на луну.

(Мысленно: «Луна. 384 тысячи километров. Холодная, равнодушная. Ей всё равно. А мне не всё равно. Мне не всё равно, что 22-летний парень лежит сейчас на асфальте и никогда не допишет своё сообщение. Что тот, другой, 25-летний, даже не узнал, за что умер. Что кто-то там, в темноте, нажал кнопку и ушёл. И будет нажимать снова. Пока мы не поймём. Пока не остановим. А мы не понимаем. Мы только гадаем».)

Меня поднимают, ведут к машине. Я иду сам. Ноги слушаются. Голова — тоже.

— Вы как? — спрашивает врач. — Голова не кружится? В глазах не двоится?

— Нет, — отвечаю. — Я в порядке. Работайте.

Сажусь в скорую. Двери закрываются. Внутри темно. Только красный отсвет мигалки.

(Мысленно: «Напарник. Я даже имени его не спросил. Нет, спросил. Коля. Его звали Коля. 22 года. Любил «Спартак» и девушку Лену. Всё мне рассказывал. А я слушал вполуха. Думал о своём. О квартире, о кредите, о детях. А теперь Коли нет. И Лена осталась одна. И мать. И отец. И все они никогда не узнают, за что. Потому что нет ответа».)

Закрываю глаза. В голове — тишина. Не пустота, а именно тишина. После взрыва всегда так. Мозг отключает лишнее, чтобы выжить.

Но одна мысль пробивается. Чёткая, холодная, как скальпель:

(Мысленно: «Я найду. Не сегодня, не завтра. Но я найду тех, кто это сделал. Потому что если я не найду — они сделают снова. И снова погибнут такие же Коли. И такие же 25-летние парни, которых использовали и выбросили. Я не судья, не палач. Я просто полицейский. Но это моя работа. И я её сделаю. Чего бы это ни стоило».)

Скорая трогается. Увозит меня в ночь. В больницу. В жизнь. Которая никогда не будет прежней.

(Мысленно: «Интересно, сколько ещё таких ночей впереди? Сколько взрывов, смертей, похорон? И когда это кончится? И кончится ли вообще? Или мы обречены жить в этом аду, пока не научимся видеть врага раньше, чем он нажмёт кнопку? Вопросы. Только вопросы. Ответов нет. Но будут. Обязательно будут».)

Открываю глаза. Смотрю в потолок скорой. Красный свет мигалки мелькает по стенам. Как кровь. Как те пятна на асфальте.

(Мысленно: «Коля... Прости. Я не уберёг. Но я запомню. И я сделаю. Обещаю».)

Закрываю глаза. Темнота. Тишина. Луна где-то там, высоко. Холодная, равнодушная, вечная.

А я здесь. Живой. Пока живой. Значит, надо работать.

****Бурение метеорита. Лазерный комплекс. Станция «Олимп-1». Марс.****

****Предыстория.****

Три дня назад геологическая разведка обнаружила аномалию в пятидесяти километрах от станции. Спектральный анализ с орбиты показал: железо-никелевый метеорит, упавший примерно миллион лет назад. Размер — двадцать метров в диаметре. Наполовину вмёрз в вечную мерзлоту, наполовину торчит из грунта. Редкая находка: метеориты такого размера на Марсе встречаются нечасто, а этот ещё и сохранился почти нетронутым — эрозия слабая, атмосфера разреженная, вода есть, но мало.

Научный совет решил бурить. Цель — взять образцы из ядра. Там, под коркой окисления, может сохраниться первичное вещество Солнечной системы. Возраст — четыре с половиной миллиарда лет. Старше почти всего, что есть на Земле.

Бурить решили лазером. Обычный бур не подходит — метеорит твёрдый, железо-никелевый сплав, долото сотрётся за первые полметра. Лазерный комплекс на станции есть — использовали для резки скал при строительстве третьего модуля. Справится.

****Подготовка. День первый.****

С утра Семёныч — наш старый ремонтный дроид — уехал на разведку. Задача: оценить доступ к метеориту, найти место для установки лазера, проверить устойчивость грунта. Вернулся через четыре часа. Привёз панорамные снимки, замеры плотности, тепловизионную карту. Данные обработали за час.

Метеорит сидит в мёрзлом грунте под углом тридцать градусов. Верхняя часть — окисленная корка толщиной пять-десять сантиметров, ржаво-красная, как вся марсианская поверхность. Ниже — металл. Чистый, плотный, холодный. Температура на поверхности — минус шестьдесят, внутри, скорее всего, ещё холоднее — минус восемьдесят, вечная мерзлота консервирует.

Место для бурения выбрали на верхней точке, где корка тоньше всего. Рядом — ровная площадка для установки лазерного комплекса. Семёныч уже натаскал туда титановые плиты для опор — чтобы лазер не провалился в грунт при работе.

****Выезд. День второй. 8:00 по марсианскому времени.****

Выехали втроем: я (оператор лазера), геолог Анна (будет отбирать пробы) и Семёныч (тащит оборудование и будет помогать). Вездеход — большой, грузовой, с прицепом. В при-

цепе — лазерный комплекс. Пятьсот килограммов чистой технологии: сам лазер, система охлаждения, генератор, блок управления, запас топлива (водород для топливных элементов).

Дорога заняла два часа. Рельеф сложный — кратеры, камни, песок. Семёныч шёл впереди, прокладывал маршрут, подсвечивал опасные участки. Несколько раз пришлось объезжать глубокие трещины — грунт здесь нестабильный, вечная мерзлота тает под поверхностью, образуются пустоты.

В 10:30 прибыли на место. Метеорит видно издалека — тёмная глыба на фоне красной пустыни. Солнце светит сбоку, тень длинная, на поверхности играют блики от металла. Красиво. Жутковато. Как будто прилетели на другую планету бурить камень, который упал с неба миллион лет назад. Хотя мы и так на другой планете.

****Установка лазера. 11:00.****

Разгрузились. Семёныч своими манипуляторами снял лазер с прицепа и поставил на подготовленные плиты. Точность — пара миллиметров. Человек бы возился час, он управился за десять минут.

Лазер выглядит как большая пушка. Ствол — полтора метра, толщиной с руку, из зеркальной нержавеющей стали. Сзади — блок питания и охлаждения, с толстыми шлангами, подключёнными к радиатору. Радиатор — панель размером два на два метра, будет рассеивать тепло в марсианскую атмосферу. Здесь холодно, но при работе лазер греется так, что может расплавить сам себя, если не охлаждать.

Система наведения — оптическая, с лазерным дальномером и камерами. Всё завязано на ноутбук, который я держу в руках. С него можно задать точку бурения, глубину, режим работы.

Семёныч подключил кабели, проверил герметичность соединений, доложил: «Система готова, давление в норме, охлаждение запущено». Голос у него синтезированный, ровный, но с годами мы научились слышать интонации. Сейчас он звучал довольно — работа сделана чисто.

****Прицеливание. 11:30.****

Я включил камеры на лазере. На экране — поверхность метеорита. Корка ржавая, с трещинами. В одной трещине видно металл — блестит на солнце, как новенькая монета. Целимся туда.

Анна корректирует: «Чуть левее. Ещё. Здесь глубже, сразу пойдём по металлу, минуя корку». Я двигаю лазер сервоприводами, каждый шаг — миллиметр. Наконец перекрестье совпадает с нужной точкой.

— Готово, — говорю. — Начинаем.

Семёныч отходит на безопасное расстояние. Мы с Анной надеваем защитные очки — даже отражённый свет может сжечь сетчатку. Лазер в ближнем ИК-диапазоне, невидимый глазу, но мощный.

****Бурение. 11:42.****

Нажимаю кнопку «Пуск».

Из ствола лазера вырывается луч. Невидимый, но воздух над ним дрожит от нагрева. На поверхности метеорита — яркая точка, которая мгновенно становится белым пятном. Металл плавится, кипит, испаряется. Вверх поднимается струя пара — раскалённое железо и никель конденсируются в мелкую пыль и уносятся ветром.

Глубина растёт медленно. Миллиметр в секунду. Лазер прожигает канал, а система охлаждения забирает тепло, чтобы не расплавить края. Иначе канал схлопнется, и луч перестанет проходить.

— Полсантиметра, — говорю. — Идём нормально.

Анна смотрит на монитор с данными спектрометра. Он анализирует выбросы пара в реальном времени.

— Чистый металл, — говорит. — Примесей почти нет. Классический железо-никель. Ждём, когда пойдут включения.

Сантиметр. Два. Три.

Лазер работает ровно, гудит трансформатор, шипит охлаждение. Вокруг нас — красная пустыня, чёрное небо, маленькое солнце. И луч, который прожигает камень, упавший с неба задолго до того, как на Земле появились первые люди.

Странное чувство. Как будто время остановилось.

****Проблема. 12:15.****

Глубина — пятнадцать сантиметров. Вдруг на экране — скачок температуры. Лазер перегревается.

— Что там? — спрашиваю.

Семёныч уже рядом. Его камеры сканируют зону бурения.

— Полость, — говорит. — Под поверхностью пустота. Луч пробил корку и ушёл в вакуум. Температура упала, но система охлаждения не справляется — слишком резкий перепад.

Чёрт. Метеорит внутри мог быть полым. Или трещина. Или старая каверна, образовавшаяся при падении.

— Отключай, — командует Анна. — Иначе лазер сгорит.

Жму «Стоп». Луч гаснет. Тишина, только ветер свистит.

Семёныч подползает ближе, заглядывает в отверстие своим лазерным сканером.

— Полость глубиной тридцать сантиметров, — докладывает. — Дальше — снова металл. Можно бурить дальше, если сместить угол.

Смотрим на данные. Если сместить на пять градусов, луч попадёт в стенку полости под углом и продолжит прожиг. Риск — может пробить вторую полость или выйти на поверхность сбоку.

— Решай, — говорю Анне.

Она думает секунду.

— Бурим. Только осторожно. По миллиметру.

Я перенацеливаю лазер. Семёныч контролирует положение. Запускаю снова.

Луч бьёт в стенку полости. Металл плавится, течёт вниз, застывает каплями. Полость заполняется расплавом, создавая новую твёрдую поверхность. Лазер идёт дальше.

Семёныч корректирует: «Чуть правее. Ещё. Теперь ровно».

Ещё десять сантиметров. Двадцать. Тридцать.

Ядро. 13:40.

Глубина — шестьдесят сантиметров. Лазер останавливается автоматически — достигнута заданная глубина.

— Есть, — говорю. — Скважина готова.

Анна уже достаёт пробоотборник. Это длинная титановая трубка с острым наконечником, подключённая к вакуумному насосу. Семёныч берёт её манипулятором, аккуратно вставляет в отверстие, проталкивает до упора.

— Давление, — командует Анна.

Семёныч включает насос. Трубка засасывает мелкую крошку из самого низа скважины — то, что лазер выплавил, но не испарил. Через минуту пробоотборник заполнен.

— Проба есть, — говорит Семёныч.

Анна подбегает (в скафандре это смешно выглядит — тяжёлые прыжки в низкой гравитации), принимает пробоотборник, убирает в контейнер.

— Первичный анализ на месте? — спрашиваю.

— Давай. Быстро.

Подключаем спектрометр к контейнеру. Через минуту на экране — данные.

Анна смотрит. Молчит. Потом поднимает голову (в шлеме, но я вижу глаза через стекло).

— Там есть углерод, — говорит тихо. — Органический. Сложные соединения. Не те, что мы могли занести. Это... это не метеоритное. Это местное.

Я смотрю на неё. Потом на метеорит. Потом на красное небо.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что этот камень упал в воду. Миллион лет назад. И в воде была жизнь. Которая оставила след. Внутри метеорита. В трещинах. В полостях. Она там жила. Или её останки.

Сбор. 14:30.

Сворачиваемся. Семёныч демонтирует лазер, грузит на прицеп. Анна упаковывает пробы в три слоя защиты — мало ли, вдруг там действительно органика, нельзя допустить заражения.

Я стою рядом с метеоритом. Смотрю на дыру, которую мы прожгли. Из неё всё ещё идёт пар — остывает металл. Вокруг — россыпь чёрных капель, застывших на лету.

— Красиво, — говорю сам себе.

Семёныч подползает, встаёт рядом.

— Красиво, — повторяет он. — Данные записаны. Пробы получены. Задание выполнено.

Я смотрю на него. Робот, металл, нейросеть. А говорит как человек.

— Семёныч, — спрашиваю. — Ты понимаешь, что мы только что нашли?

Пауза. Мигание огоньков.

— Я понимаю, что вероятность наличия внеземной жизни в данном образце составляет 78 процентов, — отвечает он. — Это исторический момент.

Я улыбаюсь под шлемом.

— Да, Семёныч. Исторический. Поехали домой.

Он кивает камерами, разворачивается и идёт к вездеходу. Я за ним.

Сзади остаётся метеорит. Чёрный, молчаливый. С дырой от лазера. И с тайной, которую мы у него забрали.

****Вечер. Станция «Олимп-1».****

Пробы в лаборатории. Анна не вылезает оттуда уже пять часов. Я сижу в кают-компании, пью кофе (синтетический, из гидропоники, но похоже). Семёныч стоит в углу на подзарядке, мигает зелёным — доволен.

— Семёныч, — говорю. — Спасибо за работу.

— Пожалуйста, — отвечает. — Обращайтесь.

Мигает жёлтым — это у него улыбка. Или я так думаю. Какая разница. Главное, что мы сделали это. Прожгли метеорит лазером. Нашли следы жизни. Вернулись домой.

Завтра будет новый день. Новые анализы. Новые открытия. А сегодня — мы просто сидим и смотрим на марсианский закат через иллюминатор. Красный, фиолетовый, чёрный. И дышим. Медленно. Счастливо.

****Скандал на станции «Олимп-1». Марс.****

****Утро. 7:30 по марсианскому времени. Кают-компания.****

Я сижу с чашкой кофе, смотрю в иллюминатор. Красная пустыня, чёрное небо, солнце только поднялось. Красота. Тишина. Благодать.

В кают-компанию влетает Анна. Лицо красное, глаза горят. В руках — планшет с данными.

— Где этот козёл? — с порога.

Я медленно опускаю чашку.

— Доброе утро, Анна. Кто козёл?

— Франсуа! Где он?

— В лаборатории, наверное. А что случилось?

Она не отвечает. Разворачивается и топает в сторону лабораторного модуля. Челюсть сжата, кулаки тоже. Я допиваю кофе и иду за ней. Потому что пахнет скандалом. А скандалы на Марсе — это редкость, но всегда зрелищно.

****Лабораторный модуль. 7:45.****

Анна врывается в лабораторию, как торнадо. Франсуа стоит у спектрометра, что-то настраивает. Увидев Анну, он улыбается. Зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.